

Кашин Павел

**ОСТРОВ
ОДИНКОЙ
СОРОКИ**

•

**ШТОРМИК
И МИСТЕР
ПЕРСИВАЛЬ**

Колн Жиле

ОСТРОВ
ОДИНОКОЙ СОРОКИ
•
ШТОРМИК
И МИСТЕР ПЕРСИВАЛЬ

ПОВЕСТИ

Перевод с английского

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

И (Австрал)
Т40

Colin Thiele

MAGPIE ISLAND, STORM-BOY.

Rigby opal books, 1974, Australia

Рисунки А. Келейникова

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОВ ОДИНОКОЙ СОРОКИ

Перевод А. Кистяковского 5

ШТОРМИК И МИСТЕР ПЕРСИВАЛЬ

Перевод В. Муравьева 37

Тиле К.

Т40   Остров одинокой сороки. Штормик и мистер
Персиваль. Повести. Пер. с англ. А. Кистяковского
и В. Муравьева. Рис. А. Келейникова. М., «Дет.
лит.», 1977.

64 с. с ил.

Две повести современного австралийского писателя, посвященные вечно
прекрасной Природе и защите ее от враждебной цивилизации.

Т $\frac{70803-527}{M101(03)77}$ Без объявл.

И (Австрал)

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Джон Гулд, всемирно известный ученый прошлого века, посвятивший свою жизнь исследованию птиц, сказал однажды, что песни австралийской сороки невозможно описать словами — так замечательно она поет, — и пожалел, что эти песни слышат только австралийцы.

Он говорил о сороке-белоспинке, *gymnorhina tibicen huroleuca*, у которой в Австралии есть близкий сородич — сорока-черноспинка, обитающая на востоке; но с европейской сорокой из семейства вороновых они не имеют ничего общего.

Сорока-белоспинка украшает герб штата Южная Австралия, однако даже местные жители иногда неверно называют ее сорокопутом.

Белоспинка селится возле ферм, любит возделанные поля и неумоимо уничтожает насекомых-вредителей. Эта маленькая, но сильная птичка с большим крепким клювом преисполнена важности, не дает себя в обиду и бывает даже агрессивной, но вместе с тем умеет беззаветно радоваться жизни, и часто кажется, что в ее глазах вспыхивают веселые, озорные искорки.

А славится она в первую очередь своим пением. На утренней или вечерней заре несколько сорок-белоспинок собираются стайкой, и над землей, словно мелодичный перезвон колокольчиков, трепещет их звонкая хоровая песня. Белоспинки поют не только в брачный период — они поют все лето, самозабвенно славя чудесное волшебство земного мира и яркую, яростную радость жизни.

Я родился и рос в Южной Австралии, так что сорока-белоспинка была постоянным спутником моего детства. Вот почему мне хочется рассказать об этой замечательной птичке.

К о л и н Т и л е,
г. Аделаида, штат Южная Австралия, 1974 год

ОСТРОВ ОДИНОКОЙ СОРОКИ

Итак, я расскажу об австралийской сороке-белоспинке.

Белоспинка бывает и радостной и грустной: порой, вспорхнув к вершине эвкалипта, она поет так звонко и весело, словно у нее в горле перезваниваются бубенчиками розовые лучи рассветной зари; а порой она кажется такой печальной, что невольно ожидаешь увидеть, как с ее клюва скатываются бисеринки горьких слез.

Но сорока, о которой пойдет рассказ, была еще маленьким птенцом, сорочонком.

Поначалу у сорочонка не было имени. Я, конечно, мог бы его как-нибудь назвать — Сорочонком-постреленком или Сороченышем-несмышленишем, — но такие прозвища ему не подходят. Так обыкновенно называют птичек-узниц, которые всю жизнь томятся в клетках и постепенно выучиваются хрипло выкрикивать несколько ничего не значащих слов, а их песни напоминают дребезжание старой, вконец заигранной пластинки...

У нашего сорочонка иная судьба. Имя дала ему сама жизнь — чуть позже.

Он проклюнулся из яйца на вершине огромного эвкалипта, среди раздольных полей Южной Австралии — там, где большой полуостров Эар-Пеніншила неровным треугольником врезается в море. Гнездо, в котором он появился на свет, было сделано из сухих эвкалиптовых веточек, сучковатых и твердых, но необычайно крепких. Его мать снесла всего два яичка — два небольших крапчатых яичка с голубовато-серо-сиреневым отливом. Сорочата вывелись через три недели.

Сперва они выглядели довольно уродливо — маленькие, почти голые увальни с лысыми головами и бесперыми крыльшками. Порой им не удавалось даже встать на лапки — такие они были беспомощные. Но зато росли они не по дням, а по часам.

Их поднятые вверх клювы всегда были жадно раскрыты, и мать с отцом, подлетая к гнезду, опускали в эти разинутые клювы то жука, то гусеницу, то вкусную белую личинку. Сорочонок рос быстрее сестры — его клюв, шумливый и требовательный, обыкновенно первым дотягивался до принесенной родителями еды, а проглатывал он ее так торопливо, что даже не успевал распробовать. Вскоре сорочата оперились — сорочонок немного раньше, чем сестра.

И летать он выучился раньше сестры.

На сорочат было очень забавно смотреть, когда, вскарабкавшись к самому краю гнезда, они нетерпеливо перебирали лапками, приседали, подскакивали, с трудом сохраняя равновесие под легкими порывами утреннего ветерка, и отчаянно хлопали едва окрепшими крыльями. Отец с матерью не вмешивались. Время от времени они взволнованно взмывали в воздух, словно показывая птенцам, как это надо делать, но чаще спокойно сидели на ветке и терпеливо поджидали, когда же их дети полетят.

Ждать им пришлось недолго. Несколько раз вспорхнув над гнездом и тут же испуганно плюхнувшись вниз, сорочата неуклюже перебрались на ближайшую ветку, отдышались, снова поднялись в воздух и неровно, неумело долетели до соседнего дерева. К вечеру сорочонок уже летал вовсю.

Он сразу полюбил ветер, и яркий солнечный свет, и неоглядные просторы бездонного неба. Вскоре он уже уверенно реял по утрам в искристом рассветном воздухе — он и еще несколько сорочат, поднимавшихся так высоко, что с земли они казались едва заметными черными точками.

Взлетев повыше, они скидывали одно крыло и полого, но стремительно скользили вниз, к земле, со звоном взрезая упругий воздух, словно их перья были выкованы из металла.

Мальчишки, отгонявшие коров на утреннюю дойку, услы-

хав этот свистящий звон, завистливо поглядывали вверх, а сорочонок, выравниваясь после пикирования, проносился над их головами, как реактивный истребитель, чтобы потом спланировать на восходящем полете к одному из своих любимых деревьев. Там он встряхивался, чистил клювиком перья и весело осматривал расстилавшиеся вокруг поля. Но ясное, солнечное утро наполняло его деятельной силой, в освеженных, словно бы промытых золотистым светом крыльях еще трепетала счастливая напряженность недавних головокружительных виражей, и радость жизни, переполнявшая сорочонка, вспенивалась над полями переливчатыми трелями его утренней песни.

В эту минуту на него удивительно приятно было смотреть. — запрокинув голову, устремив клюв к небу, он тянулся ввысь, стоя на ветке эвкалипта, и под напором звонко прерывистых, вибрирующих звуков трепетали его распушенные горловые перышки. Казалось, что он полоскал горло искрящимися каплями рассветной росы — и, как бы откликаясь его трелям, радостно звенела разгорающаяся заря. Тишину утра нарушал лишь этот ликующий песенный звон, и фермеры, оторвавшись от своего раннего завтрака, весело говорили женам: «Ишь заливаётся! Видать, сегодня все спокойно да ладно в нашем мире».

Но не было на земле покоя и мира — даже для сорок. В придорожных канавах валялись комочки окровавленных перьев — потому что некоторые люди, заметив на шоссе птичку, в жестоком азарте резко посылали свои машины вперед, стараясь убить, расплющить радиатором, разодрать в клочья маленькое хрупкое тельце. Потом ветер взметал над дорогой разноцветные перышки или гнал вдоль канавы легкое крыло, и казалось, что птицы оживают... но оживить их, разумеется, уже ничто не могло.

А нередко убийцы со «спортивными» винтовками, называющие себя охотниками-спортсменами, не могли найти, кого бы им подстрелить, и упражнялись в меткости, убивая сорок.

«Прекрасный выстрел, старина», — одобрительно говорили они друг другу, когда подраненная птица, только что

жизнерадостно распевавшая на нижней ветке эвкалипта, мучительно трепыхая крыльями, шмякалась об сырую землю. И если кто-нибудь напоминал им, что сорока — заповедная птица, что ее запрещено убивать, они, спокойно ухмыляясь, спрашивали: «Заповедная? А что это, собственно, значит?»

Но нашему сорочонку явно везло. Его не замечали ни стрелки-спортсмены, ни автоубийцы, которые мнят себя отчаянными гонщиками. Вспархивая ввысь, он видел внизу узкие полосы дорог с облачками белой пыли, ползущей за крохотными жучками машин, и темные дымки, поднимающиеся над фигурками людей, когда они вскидывали вверх свои малюсенькие, как ему представлялось, винтовки, слышал треск отдаленных выстрелов, но сам ни разу не попал в беду.

Он много летал и многое видел: к северу и северо-востоку внизу расстилались поля и луга с островками лесов и щетиной кустарника, виднелись широкие металлические резервуары, на случай засухи до краев наполненные водой, одиночные домики фермеров со стогами сена и скирдами соломы вокруг или неровные россыпи многочисленных построек — поселки и городки.

Однажды, когда воздух был особенно сухим и прозрачным, он увидел, что на западе, далеко-далеко, начинается бурая безлесная степь, которую люди называют равниной Налларбор. А на юге, тоже очень далеко, в солнечные дни мерцало сине-зеленое море.

Сорочонок, без сомнения, мог бы жить беззаботно и счастливо в родных краях до конца своих дней... если бы не встреча с орлом.

Орел — гигант даже среди орлов Налларборской равнины, с размахом крыльев больше двух метров, — плыл, словно огромный крылатый дракон, с юго-запада к северо-востоку. Возможно, он отправился на поиски подруги; возможно, его погнала в населенные земли засуха, — как бы то ни было, он летел над чужими владениями с таким видом, будто все они принадлежат ему. Его крылья казались совершенно неподвижными: распластав их в воздухе, он, подобно планеру, бесшумно несясь вперед, то взмывая вверх, то опускаясь чуть ниже, и можно было подумать, что он ощупывает потоки вет-

ра крепкими как сталь крыльевыми перьями. Слегка изменяя положение крыльев, он плавно сворачивал то вправо, то влево, и ветер покорно помогал его уверенному полету. Да, он был истинным хозяином неба — полновластным, спокойным, сдержанно величавым. Широкие горизонтальные виражи — каждый длиной в километр — как бы заранее намеченным курсом рассекали синее небо, и создавалось впечатление, что орел движется без малейших усилий.

Но сорокам вовсе не нравился этот неведомый властелин. Может быть, им представлялось, что он сожрет всех личинок и гусениц, а может быть, они думали, что он собирается проглотить их самих. Да и не удивительно — эта огромная крылатая тень наводила ужас не только на маленьких птичек. Однако сорок и вообще-то не слишком легко запугать, а сейчас их общий пронзительный гомон внушал им бойкую уверенность в своих силах. И вот сначала одна, потом другая, потом еще две черно-белые стрелки взметнулись ввысь, а там уж не усидел на ветке и наш сорочонок: неистовый шум и галдеж, хлопанье множества крыльев, со свистом взрезающих прозрачный воздух, как бы помимо воли взвихрили его вверх, и, торопливо взмахивая крылышками, он устремился за своими взрослыми сородичами.

Его переполняла ликующая самоуверенность. И хотя, как только он поднялся над кронами деревьев, северный ветердохнул на него иссушающим жаром, его дерзкий задор несколько не увял. Яростно махая крыльями, он мчался следом за сородичами и пронзительно, угрожающе стрекотал, — так маленькая, но храбрая собачонка отчаянно рычит на огромного чужого пса.

Чужак парил гораздо выше, чем предполагал сорочонок: ему потребовалось напрячь все свои силы, чтобы подняться под опаляющим натиском ветра на эту бездонную высоту. Но когда пять сорок — наш сорочонок в их числе — продрались наконец сквозь жаркие потоки ветра к бесшумно реющему в бескрайнем небе орлу, тот вошел в очередной просторный вираж, так что им пришлось здорово потрудиться, чтобы нагнать его снова.

Однако они его все же нагнали и безоглядно ринулись

в атаку — пять вертких крохотных истребителей, решившихся сразиться со сверхмощным бомбардировщиком. Поначалу гигант не обращал на них внимания, а возможно, даже просто не замечал, но их крепкие клювы были молниеносно проворными, а жесткие крылышки наносили чувствительные удары, и вот, резко вскинув огромное крыло, орел круто отвернул в сторону. Напрасно: этот маневр не спас его от юрких сорок.

Они атаковали орла и слева и справа, бросались на него снизу, пикировали сверху — резкие, изворотливые, стремительно неуловимые.

Орел понимал, что ему поможет только выдержка. Он молча несся вперед, лишь уваливая временами то направо, то налево, а сороки с пронзительным гомоном вились вокруг него, словно неотвязные злые осы. Но их силы были уже на исходе. Одна за другой атаковав орла в последний раз, начинали они долгий спуск к земле. И только сорочонок все не хотел отступить. Ведь он еще ни разу не залетал так высоко, не преследовал орла, не боролся с таким мощным ветром. Снова и снова, громко стрекоча гортанные угрозы, он вспархивал над бесшумно мчащимся орлом, лихо пикировал вниз и, щелкнув клювом, разворачивался для новой атаки.

Между тем преследование уже завело его далеко на юг, а все усиливающийся северный ветер ускорял этот и без того стремительный полет, так что когда сорочонок наконец опомнился, приотстал от орла и спустился пониже, под ним бурлили сизо-свинцовые волны, позади едва виднелась белая от прибоя береговая линия, а ветер быстро уносил его в открытое море.

Сорочонка обуяла паника — впервые за его короткую жизнь. Он развернулся и попробовал лететь против ветра. Ничего опаснее придумать было нельзя. Его и так порядком утомила погоня за орлом, а пытаясь бороться с ветром, он вскоре окончательно выбился из сил. И, что еще хуже, ветер явно крепчал. Сорочонок отчаянно махал крылышками, однако совсем не продвигался вперед.

Постепенно его начало относить назад, к югу, — сперва почти незаметно, потом все быстрее и быстрее.

Некоторые птицы рождены, чтоб летать над морем,— баклан и чайка, крачка и поморник превосходно чувствуют себя вдали от берегов, а королевскому альбатросу не страшны перелеты даже в сотни километров. У сороки совсем другая жизнь. Ловя над полями мошек, перепархивая с дерева на дерево или ненадолго поднимаясь ввысь, она привыкает к частым, хотя и коротким, передышкам. Летать часами, как морские птицы, сорока не может.

Короче говоря, нашему сорочонку грозила гибель. Он судорожно хлопал усталыми крылышками, но неуклонно терял высоту, а ветер относил его все дальше на юг. Море тянуло к нему свои пенные щупальца, и, вымокнув, он через несколько секунд неминуемо пошел бы ко дну — жалкий комочек тяжелых, слипшихся перьев,— потому что вокруг, насколько хватал взгляд, простирались безбрежные морские просторы: к западу — Индийский, к востоку — Тихий океан, а на юго-западе, куда гнал его ветер, не было никакой обширной земли вплоть до закованных льдом хребтов Антарктиды.

Но сорочонку опять повезло. Он уже не мог бороться с ветром и крылья отказывались ему служить, когда в отдалении вдруг проступила на миг неподвижная темная полоска. Сначала ему не верилось — зыбкая ветреная мгла вконец измучила и почти ослепила его,— но через несколько секунд он понял, что не ошибся. Это был остров.

Проблеск надежды немного взбодрил его. Он собрал последние силы и повернул на юго-запад. Теперь ветер помогал ему. Он даже поднялся чуть выше, используя восходящие потоки налетевшего шквала.

Остров, казавшийся поначалу спиной полузатопленного крохотного жучка, выступал из штормовой круговерти все отчетливей и резче. В общем-то, он был не таким уж крохотным. Спасительный берег медленно приближался. Но сорочонок летел теперь очень низко, и одеревеневшие крылышки почти не слушались его. Грязно-белые гривы ледяных волн дважды или трижды едва не сбили его в воду, но всякий раз, отчаянным усилием воли, он вспархивал на несколько метров повыше.

Береговая полоса заметно приблизилась. Зато и сорочонок

окончательно выбился из сил, а шквальные выхлесты ветра безжалостно швыряли его из стороны в сторону. Но он не сдавался. И в конце концов долетел до берега — обессиленный, оглушенный, ослепленный соленой пеной. Оказавшись над маленькой бухточкой, он не снизился, не приземлился, а просто провалился вниз, и ветер подхватил его и, волоча по лужам, кувyrкая через голову, погнал по берегу, пока не прижал к большому утесу, который стоял чуть выше линии прилива. Минуту-другую сорочонок лежал не шевелясь. Потом поднялся на лапки, проковылял вокруг утеса и притаился в маленьком углублении с подветренной стороны. И тут уж он пролежал несколько часов подряд — день постепенно склонился к вечеру, с запада наползли густые влажные сумерки, сгустились в плотную тьму и непроницаемой ночной пеленой прикрыли остров.

Но еще до прихода ночи бухточка странно ожила. Когда подступил вечер, море неожиданно забурлило, и на берег стали выкарабкиваться серые призраки, удивительно напоминавшие людей. Деловито переваливаясь, будто в замедленных состязаниях по спортивной ходьбе, они спешили к береговым утесам, которые остаются сухими даже во время прилива, — сотни расплывчатых фигурок, неровными шеренгами марширующих по каменистому берегу. К счастью, сорочонок был защищен выступом утеса — иначе он оказался бы на пути у вечерних пришельцев. Это были пингвины. Днем они кормились в море, а сейчас возвращались на ночлег.

Однако не только пингвины ночевали в прибрежных скалах, — множество тюленей, широко открыв фосфоресцирующие глаза, с любопытством вытягивали длинные шеи и удивленно подрагивали жесткими усами, как бы говоря: «Что за странность — на нашем острове появился чужак». А чуть повыше, в прибрежных зарослях, слышались смутные шорохи, тихий шелест листвы и сухое шуршание травы — возможно, там шныряли лесные крысы, бандикуты, а может быть, скользили, словно переливчатые бесшумные тени, молчаливые убийцы с раздвоенными язычками.

Сорочонка, впрочем, никто не потревожил — он спокойно спал в своем убежище, пока звезды на небе совершали обыч-

ный круговой путь, а в прибрежных рифах шумел постепенно затихающий штормовой прибой. И когда первые лучи солнца осветили каменистый берег, сорочонок проворно вскочил на лапки и вспорхнул к вершине утеса. Он снова чувствовал себя свежим и бодрым. Ему было очень интересно... но вдруг совсем рядом фыркнул проснувшийся тюлень, и сорочонок, испуганно взвизгиваясь вверх, полетел к небольшой рощице, которая виднелась в центральной части острова на невысоком холме.

Выбрав сухую корявую ветку самого высокого дерева, он сел и огляделся: с наветренной стороны островка в мокрых от водяной пыли рифах бесновался неумолчный морской прибой, защищенные от ветра бухточки поблескивали спокойной серебристой рябью, узкая скалистая полоса, вкруговую опоясывающая остров, переходила в отлогий травянистый подъем, а в середине острова, на холме, шумела рощица, приютившая сейчас сорочонка. Чуть ниже рощицы виднелись отдельные

деревца, белели на солнце большие валуны и шуршали жесткой листвой группы низких кустов. Островок был сурово красив — маленький оплот суши в открытых всем ветрам океанских просторах.

А хозяевами острова были, без сомнения, морские птицы. Сорочонок с изумлением рассматривал гигантские шумные гнездовья на берегах и огромные крикливые стаи, кружащиеся в воздухе. Однако его донимал голод, а поэтому он вспорхнул с ветки и полетел к прибрежным скалам.

Через несколько секунд он снизился над колонией крачек. Их тут были тысячи — отцы семейств, кружащиеся над морем в поисках добычи, самки, сидящие на яйцах, желторотые малыши, почти оперившийся молодняк. И едва сорочонок приземлился, вся эта огромная масса птиц пришла в неописуемое волнение. Самцы пикировали на него сверху и старались клюнуть в голову, матери, защищая птенцов, насакивали прямо на земле и били крыльями, малыши пытались укрыться среди

камней, а такого неистового, пронзительного, оглушающего гомона он не слышал никогда: казалось, что от него сотрясается весь остров.

Крачики вились над сорочонок плотной тучей, так что он не мог даже взлететь, и ему пришлось улепетывать от них бегом да еще и уворачиваться от их наскоков. Когда ему удалось наконец подняться в воздух, он стрелой помчался к спасительной рощице. Ему было совершенно ясно, что морские птицы — самые крикливые и вздорные существа на земле; а кроме того, они совсем не умели петь.

Он облетел островок, наблюдая издали за его крылатыми обитателями. Длинноногие цапли ловили на отмелях мелких рыбешек, плавали и ныряли в спокойных бухтах буревестники, деловито сновали по берегу бакланы... Все здесь занимались своим привычным делом, все умели добывать себе пищу, а главное — у всех были сородичи.

Сорочонок вдруг почувствовал себя неприкаянным и одиноким. Ему, сухопутному чужаку, не было места на этом крохотном островке, затерянном в безбрежном океане. А земля, большая земля, суша, осталась далеко на севере — сорочонок не смог бы долететь до нее даже при попутном ветре. Он ведь только чудом добрался до этого островка. Нет, такое расстояние, да еще и над океаном, ему во второй раз наверняка не удалось бы одолеть. Он был всего-навсего сухопутным сорочонок, а не альбатросом.

Он подлетел к своей дозорной ветке, сложил крылья и с тоской посмотрел на север, где остались его родные земли, сородичи и все привычные земные птицы. Даже орел и тот был ему ближе, чем эти горластые морские забияки.

Голод снова заставил его подняться в воздух. Ему пришлось разыскивать пропитание в центральной части островка — бабочек и мошек над склонами холма, семена и жуков среди кустиков сухой травы, червей и личинок под маленькими камнями на земле. Голодная смерть ему не грозила, но еды было мало, и, чтобы прокормиться, он искал ее с утра до вечера — маленький одинокий сорочонок вдали от родины и сородичей.

Вот тут-то он и обрел свое имя — Отшельник.

Остров, превративший сорочонка в отшельника, был расположен у западной границы промысловых районов, и временами рыболовные суда проходили мимо него, разыскивая косяки рыбы или возвращаясь после лова домой. Изредка, если их накрывал шторм, они сворачивали к острову и отстаивались в его укрытой от ветра бухточке.

Знал об этой бухте и Бенбоу Бейтс, владелец быстроходного клиппера «Буревестник». Бенбоу, с командой в пять человек, промыслял тунца и лосося, а его сын Бенни охотно помогал ему, если позволяли школьные занятия.

Бенни самозабвенно любил море и мечтал стать рыбаком, как только подрастет. Его отец тоже этого хотел, он говорил, что Бенни приносит «Буревестнику» удачу: у мальчика были такие зоркие глаза, что он мог заметить косяк рыбы — по переливчатой крутой ряби в море, которую никогда не разводит ветер — на расстоянии двух километров от клиппера. В общем, неудивительно, что Бенни проводил в море все свое свободное время, хотя ему было только десять лет.

Однажды «Буревестник» бросил якорь в бухте возле островка, потому что команде надо было починить сети для лова наживки и приманки. Тунцов берут на удочку, а чтобы косяк не ушел, в море постоянно бросают приманку — живых рыбешек. Бенни, разнежившись на солнце, лежал возле бака с приманкой, но вдруг он порывисто вскочил и крикнул:

— Папа, скорей!

Его отец с беспокойством выглянул из рулевой рубки.

— Что случилось?

— Пойди сюда, скорей!

— Да в чем дело?

— Посмотри-ка! — Бенни протянул руку в сторону островка. — Вон, посмотри!

Его отец потерял терпение.

— Да скажи ты толком, на что я должен смотреть!

— А вон, видишь дерево?

— Какое еще дерево?

- На холме, чуть повыше других.
- Ну, положим, вижу.
- А еще что-нибудь видишь?
- Да что я там могу увидеть?
- Птичку, пап.
- Нашел невидаль — птичку. Да их тут тысячи.
- Эта не такая.
- А какая же?
- Это сорочонок, пап.

Бенбоу, пожав плечами, отвернулся.

- Не говори глупостей, сынок.
- Что ж я, по-твоему, слепой? — с обидой в голосе спросил Бенни.

— Ты у меня вроде тети Клементины, — отозвался отец, — как заладишь свое, так не можешь остановиться.

— Тогда подожди, я мигом! — крикнул Бенни и, сорвавшись с места, чуть ли не кубарем скатился по трапу в каюту. Через несколько секунд он снова взлетел на палубу и протянул отцу мощный бинокль. — На́ вот, посмотри, — настойчиво проговорил он.

Бенбоу приставил бинокль к глазам и аккуратно настроил фокусировку.

— Ну и чудеса! — с изумлением воскликнул он. — В самом деле сорочонок.

— То-то и оно, — удовлетворенно подтвердил Бенни.

— Сорочонок, как есть сорочонок, — повторил отец.

— А что я тебе говорил?

Но Бенбоу его не слушал.

— Как же его сюда занесло? — раздумчиво пробормотал он.

— Может, рыбаки завезли? Поймали птенцом да и держали в клетке. А когда здесь отстаивались, он и улетел.

— Что-то не видел я на рыбачьих судах птиц, — с сомнением сказал Бенбоу. Тем более сорок.

— Сам-то он сюда ни за что бы не добрался.

— Это уж наверняка.

— А тогда как же?

— Ты его разглядел, тебе и решать, — ответил отец, отда-

вая сыну бинокль. — А я одно знаю: придется ему тут всю жизнь коротать отшельником.

— Жалко его, правда? — сказал Бенни, повернувшись к отцу, но тот уже ушел в рубку, и на этом их разговор оборвался.

Утром «Буревестник» опять вышел в море. Однако Бенни все не мог забыть одинокого Отшельника — даже когда начался лов. Его отец и пятеро матросов-рыбаков, взмахивая массивными удилищами, забрасывали в воду крючки с наживкой, осторожно подводили к борту взявших наживку тунцов и вытаскивали их на палубу, а Бенни должен был бросать в воду приманку — мелких рыбешек, — чтобы косяк не ушел. Но он очень небрежно выполнял свои обязанности. Его мыслями владел грустный одинокий сорочонок — Отшельник.

— Эй, проснись! — прогремел вдруг голос его отца. — Где приманка?

Бенни вздрогнул и поднял голову.

— Прости, пап.

— Ты что — и правда уснул?

Бенни стало стыдно.

— Да нет, просто задумался.

— Не идет у него из головы эта птичка! — со смехом проговорил один из рыбаков.

— Если мы упустим рыбу, — гневно сказал Бенбоу, — он у меня заречется думать про птичек!

Бенни, конечно, слышал, о чем говорят рыбаки. Ему было очень стыдно.

— Прости, пап, — с раскаянием повторил он.

— Ладно... делай свое дело... сорочий мыслитель, — одышливо проворчал Бенбоу, рывками подтягивая к борту крупную, отчаянно сопротивляющуюся рыбу. Потом распрямился, вытер рукавом вспотевший лоб и спокойно добавил: — Ты ведь его больше никогда и не увидишь, этого твоего Отшельника. Мы сюда теперь несколько месяцев не вернемся... а то, глядишь, и несколько лет. За это время он наверняка тут сгинет.

И разговор об Отшельнике опять оборвался.

А Отшельнику не было никакого дела до проходящих ми-

мо острова рыбачьих судов. Он неумоимо искал пищу или, нахохлившись, сидел на своей дозорной ветке — словно неживая, вырезанная из дерева фигурка. И почти никогда не пел. Однажды, в особенно ясный и солнечный день, он поднял клюв к небу, и над островом прозвучала звонкая переливчатая трель... Но ее сразу же заглушил тяжкий рокот прибоя. Отшельник опустил голову и умолк. Ему расхотелось петь. Остаток дня он безмолвно просидел на своей ветке.

День за днем, неделя за неделей проходили без всяких перемен. Отшельник уже превосходно знал каждый кустик, каждую ложбинку своего острова, и только прибрежные утесы с гнездовьями морских птиц были ему недоступны: всякий раз, как он приближался к ним, его безжалостно изгоняли. Неподалеку от бухты, где стоял на якоре «Буревестник», Отшельник обнаружил несколько закопченных котлов, полуразвалившуюся печь, две-три рассохшиеся бочки и обломок корабельной мачты. Все это напоминало остатки кораблекрушения, выброшенные морем на остров, но старые рыбаки еще помнили, что когда-то здесь была береговая база китобоев. Тут же, словно миниатюрные корабельные шлюпки, лежали две полужасыпанные песком ракушки наutilusов — грустное подобие, не больше.

А лет сто или сто пятьдесят назад Отшельник увидел бы здесь много интересного. В глубине бухты легкие волны чуть покачивали двухмачтовую китобойную шхуну, у берега, на мелководье, покоилась огромная туша только что загарпуненного кита, и китоловы, сделав несколько глубоких продольных надрезов, отдирали с помощью цепей и лебедок длинные пласты китового сала, потом разрубали их и несли мимо вытасненных на берег шлюпок, мимо береговых утесов к полуразрушенной теперь печи, чтобы приготовить китовый жир. В те времена берег бухты казался навеки обжитым и многолюдным, раскаленная печь полыхала жарким огнем, растопленное в котлах сало пузырилось и кипело, а готовый жир китоловы переливали в бочки, чтобы переправить его на материк. Но те времена миновали, островок давно обезлюдел, и от китобойной базы почти ничего не осталось — истлели даже огромные китовые кости, когда-то устилавшие прибрежные отмели.

А черные котлы и уступчатые развалины печи еще больше омрачали этот и без того суровый берег.

Немного скрашивали Отшельнику жизнь только мирные от природы островные существа — тюлени и пингвины, безобидные сумчатые крысы и юркие полевые мыши. И его приятель Бандикут, живший неподалеку от роши.

Этот крохотный, не больше самого Отшельника, нахально любопытный зверек с остренькими коготками и бурым пушистым мехом необычайно ловко переворачивал камушки своим удлинненным тонким носом, а потом не спеша лакомился насекомыми, — так что они с Отшельником нередко искали пищу вдвоем.

Однако Бандикут все же не был его сородичем. Он бегал по земле. Не умел петь. Умывал мордочку передними лапами, а не чистил перья клювом. Да и не было у него клюва, не было перьев. Он жил в земляной норе и не любил открытых пространств — ну разве мог он стать настоящим товарищем птицы?

А время шло. Миновал год.

Отшельник по-прежнему жил на острове, а «Буревестник» бороздил морские просторы. И однажды снова оказался поблизости. Бенни уже стоял на носу и прижимал к глазам бинокль, когда остров еще едва проступал в отдалении расплывчатым темным пятном. Клиппер шел вперед, очертания острова прорисовывались все ясней, и, наконец, Бенни радостно крикнул:

— Ур-р-ра! Живой!

Он обернулся к рулевой рубке и, весело размахивая биноклем, прокричал:

— Пап, он живой! И никуда он не сгинул!

— Кто?

— Да Отшельник! Ты помнишь Отшельника?

— Сорочонка-то?

— Ну конечно! Вот здорово, правда?

Бенбоу вышел из рубки и внимательно посмотрел вперед.

— Да, стойкий, должно быть, парень, — проговорил он.

— Целый год! — возбужденно воскликнул Бенни. — Зиму пережил! И зима ему нипочем!

— Что ж, доброго ему здоровья, — сказал Бенбоу и вернулся в рубку.

Опять, в третий уже раз, разговор об Отшельнике оборвался.

Но Бенни не хотел его обрывать. Он нерешительно посмотрел на уходящего отца, потом побрел за ним в рубку и, собравшись с духом, окликнул его:

— Пап!

— Да? — обернулся к нему Бенбоу.

— А знаешь, пап... — глядя в пол, неуверенно начал Бенни.

— Ну-ну, выкладывай. Даю тебе минуту.

Однако Бенни так волновался, что не сумел в этот раз толком объяснить, чего он хочет.

*   *

*

День за днем, ночь за ночью ползло неторопливо время. Вставало по утрам солнце, и в его золотистом свете островок медленно подымался над зыбкой равниной моря, а вечерами, постепенно скрываемый тьмой, как бы снова опускался на морское дно. Каждый следующий день точь-в-точь напоминал предыдущий, и незаметно для Отшельника прошло несколько месяцев. Живописный островок оказался для него тюрьмой. А потом из-за горизонта опять вынырнул «Буревестник» и взял курс на остров. Он уверенно приближался, все четче обрисовывались его контуры, и можно было подумать, что островок ему не помеха, что, подойдя вплотную, он перепрыгнет через него и продолжит свой путь на юго-запад. Однако у прибрежных рифов он замедлил ход, проскользнул в бухту и отдал якорь.

Спущенная на воду шлюпка пошла к берегу, и через минуту стало видно, что в ней сидят два человека — мужчина и мальчик. Мужчина греб, а мальчик осторожно держал в руках большую проволочную клетку. Вдоль берега бухты полукругом выстроилась шеренга любопытных пингвинов — они, словно высокопоставленные представители острова, встречали прибывших гостей. Но гости не обратили на них внимания.

Они выбрались из шлюпки, вытащили ее до половины на песок и отправились к рощице.

Конечно же, это был Бенни со своим отцом. Когда до дерева, на котором сидел Отшельник, осталось метров сто, они остановились, и Бенни склонился над клеткой. Потом резко выпрямился, поднял ее вверх и распахнул маленькую дверцу.

— Лети, сорока! — весело крикнул он. Однако в первую секунду ничего не случилось: и Бенни, и его отец, и привезенная в клетке сорока, и даже легкий утренний ветерок замерли, затаились в ожидании. — Да лети же, приехали! — нетерпеливо повторил Бенни.

Тогда раздалось хлопанье крыльев, и над головами людей вспорхнула черно-белая птичка. Новая жительница острова. Подруга для Отшельника. Минуту или две она круто забирала ввысь, потом сделала пологий разворот и спланировала к рощице.

Бенни расплылся в счастливой улыбке.

— Смотри-ка, пап! — весело закричал он. — Смотри, она полетела прямо к Отшельнику!

— Будем надеяться, — с ворчливой серьезностью проговорил Бенбоу. — Не пропадать же нашим хлопотам. — Но он тоже весело улыбался.

Они посмотрели на Отшельника. Тот настороженно и опасно наблюдал за людьми, готовый взвихриться в воздух, если они подойдут. Ему было непонятно, зачем они здесь, он не заметил сороку. А потом вдруг услышал шорох сорочьих крыльев. Людям показалось, что выстрелила катапульта: неуволимое мгновение — и Отшельник уже выписывал высоко над рощицей стремительные круги.

Сорока опустилась на ветку неподалеку от людей. Через секунду раздался звенящий свист, мелькнула черная молния — Бенни показалось, что Отшельник случайно проскочил выбранное сорокой дерево, — а тот уже снова набирал высоту, закладывая в небе широкий вираж. Дважды проносился Отшельник мимо людей, уходя на дальнем повороте вверх и полого снижаясь к роще. Потом он спикировал вниз, промчался почти над землей и, погасив скорость на крутом взлете, пристроился рядом с гостьей.

— Пойдем, — сказал Бенбоу, — свое дело мы сделали.
— Подожди, я хочу посмотреть, — попросил его Бенни.
— Нечего таращиться на чужое счастье, — мимолетно усмехнувшись, ответил ему отец.

— А я вовсе и не таращусь, — с обидой возразил Бенни.
Но отец, твердо взяв его за плечо, повернул к берегу, и они пошли вниз.

— У Отшельника теперь есть подруга, не надо им мешать.
— Да я просто хотел посмотреть, привезли мы Отшельнику счастье или нет.

— Ну, для этого нам пришлось бы сидеть тут довольно долго. Мы еще, может, заглянем сюда, если окажемся поблизости.

Они столкнули шлюпку в воду и отвалили от берега. Через несколько минут «Буревестник» ушел на север.

*   *

*

Бенни зря беспокоился. Он привез Отшельнику счастье. Когда люди ушли, Отшельник посмотрел на обретенную подругу, и его захлестнула волна неудержимой радости. Неожиданно для себя он поднял голову, и воздух наполнила звонкая, ликующая мелодия. Она скатывалась с холма, словно ласково журчащий ручей, и, усиливаясь в скалах отзвуками гулко-го эха, трепетала над островом, не заглушаемая даже прибоем.

Никогда обитатели острова не слышали такой чудесной песни. Умолкли бакланы и крачки, перестали пронзительно всхлипывать чайки. Даже птенцы не решались пищать. Весь остров затаился и притих, вслушиваясь в песню Отшельника.

А он теперь ни на секунду не расставался с новой подругой. Он показывал ей островные ущелья и взгорья, защищал от чаек, если она неосторожно приближалась к береговым утесам, учил спасаться от крупных морских птиц и находить семена травы на склонах холма или переворачивать маленькие камни, чтобы полакомиться личинками. Жизнь Отшельника наполнилась радостным смыслом.

Тем временем кончилось лето, наступила зима — вторая

его зима на острове, — и она была гораздо суровей, чем первая. Под льдистыми хлыстами антарктических ветров торопливо бежали к северу гигантские волны, от их бешеного натиска сотрясался весь островок, и клочья белесой пены, словно подтеки слюны, пузырились на клыках поминутно обнажавшихся рифов, а береговые утесы покрывала холодная испарина мельчайшей водяной пыли. Низкие рваные тучи приносили проливные дожди, ветер срывал с деревьев листья и плотно прижимал к земле мертвую, пожухлую траву.

Тяжело, голодно жилось зимою сорокам. Ветры выгнали их из рощи, и они ютились в зарослях кустов неподалеку от бухты. Еды оставалось все меньше: исчезли древесные гусеницы, попрятались насекомые, под камнями не было ни червей, ни личинок. Особенно трудно приходилось подруге Отшельника — ведь ее совсем недавно увезли из родных мест и она не успела привыкнуть к суровой островной жизни. Поэтому Отшельник трудился за двоих и половину найденной пищи отдавал подруге. Так они и дотянули вдвоем до весны.

Зато сколько радости принесли им первые солнечные дни! Они снова перебрались в рощу и, сидя на любимой ветке Отшельника, не уставали любоваться обновленным, оживающим миром. Зимние ветры вычистили его и освежили, дожди промыли и напители влагой жаждущую землю... Да, это был поистине обновленный мир!

В листве деревьев шелестел теплый, разнеживающий ветерок, тени легких облаков неспешно проплывали по ярко-зеленым склонам холма, а Отшельник ощущал в себе уверенную, зрелую силу.

И вот однажды, чтобы выразить переполнявшие его чувства, он запрокинул голову и запел — запел даже радостней, чем при первой встрече с подругой. И она, откликаясь ему, запела тоже. Их песня — протяжная, счастливая, звонкая — свободно разливалась над островом и озвучивала многоголосым эхом весенний воздух.

Через месяц, когда «Буревестник» опять проходил мимо острова, Бенни чуть не свалился от радости за борт. Еще бы! На одном из деревьев он заметил сорочье гнездо. Большое горделивое гнездо, сплетенное из сухих суковатых веточек —

такое большое и горделивое, что его было видно без всякого бинокля за целый километр, как сказал Бенни.

— Пап, давай причалим! — возбужденно воскликнул он. — Вдруг там уже есть яички!

Но в этот раз ему не удалось уговорить отца.

— Оставь их в покое, — ответил он. — Ты сделал, что хотел. И нечего совать нос в чужое гнездо.

— Надо же мне посмотреть, — не слишком уверенно проговорил Бенни.

— Если у них все в порядке, посмотришь в другой раз на подросших сорочат, — ответил ему отец.

— Ну, пап, ну что тебе стоит причалить на пять минут!

— Время — деньги, сынок. Да и топливо стоит денег. Нам надо искать рыбу.

И разговор оборвался.

А на самом-то деле Бенни уже мог праздновать победу, потому что в гнезде, хоть и на голых сучьях, но надежно укрытые от всяких опасностей, лежали два крапчатых яичка. Впрочем, увидеть их Бенни все равно бы не смог, даже если бы влез на дерево и заглянул в гнездо: на яйцах почти все время сидела подруга Отшельника. А когда она улетала кормиться, ее сменял сам Отшельник.

Его распирала радостная гордость. Он целыми днями кувыркался в воздухе, словно несмышленый, только что выучившийся летать сорочонок, — вспархивал к небу, пикировал вниз и, перевернувшись через крыло, опять взмывал вверх, чтобы сейчас же ринуться обратно к земле. Удивительно, как он не врезался в береговой утес — настолько рискованными были его воздушные трюки. При этом он не забывал посматривать на свое гнездо, из которого выглядывала голова его счастливой подруги.

Но недолго продолжалось их счастье. Однажды утром, в начале октября, Отшельник сменил подругу, и она отправилась на поиски еды. Насекомых все еще было очень мало — ведь октябрь в Австралии всего лишь второй месяц весны, — и ей пришлось довольно долго искать себе пищу. Она долетела почти до колонии крачек. И вдруг, испуганно метнувшись вниз, прижалась к земле.

Берт Вайтинг, пилот поискового самолета из Порт-Линкольна, отправился в тот день на розыски первых косяков тунца. Но как могла узнать об этом несчастная подруга Отшельника? Стояла тихая солнечная погода, море чуть морщила легкая прозрачная рябь, на небе не было ни единой тучки... А Берта тоже переполняла мальчишеская весенняя радость. Он мчался над морем, представляя себе, что ему поручено важное боевое задание. В мечтах он был военным асом, королем воздуха. Впереди показался островок; среди прибрежных утесов затаились вражеские солдаты; их следовало уничтожить.

Он полностью открыл дроссель, отдал штурвал вперед и в крутом пике ринулся к острову. Заглушая свист ветра, грозно взревел мотор. Потом Берт пошел на бреющем, зорко высматривая притаившихся врагов... и слишком поздно заметил гнездовье крачек.

Туча птиц — тысячи серых клубочков — взметнулась вверх перед самым носом самолета. Еще секунда, от силы две — и он врежется в эту плотную тучу, вдребезги разлетится колпак, осколки ослепят его, а потерявшая управление машина неминуемо гробанется...

В последнее мгновение Берт торопливо повернул штурвал, мотор пронзительно взвыл, и, резко завалившись на крыло, самолет вильнул в сторону, впритирку обошел стаю птиц и, почти касаясь травы, помчался дальше.

Подруга Отшельника слышала нарастающий рев. Останься она на месте, с ней ничего бы не случилось. Но приближающийся зверь был слишком страшен, а ее ужас перед ним слишком велик. Этот грозный зверь уже несся прямо над ней! Грохочущий рев сотрясал землю, тугая волна воздуха плотно прижимала к почве полегшую траву. Надо было спасаться! Она торопливо взлетела — и страшный удар снова отбросил ее вниз. Взвихрилось в воздух несколько сломанных перьев, воздушный поток подхватил тельце мертвой сороки, протащил его по траве, по прибрежному песку и сбросил в море...

Отшельник ждал подругу все утро. Его удивляло ее долгое отсутствие, но он был терпелив — она давно не ела и теперь, возможно, отыскала где-нибудь россыпь камушков, под кото-

рыми прятались личинки, или поляну со своими любимыми кузнечиками. Однако солнце поднималось все выше, и у Отшельника родилось опасение, что стряслась какая-то беда. Подруга редко покидала гнездо больше чем на полчаса, а тут ее не было уже почти полдня.

Бедный Отшельник! Он не смел отлучиться, потому что грел насиженные яйца, и не мог больше оставаться в гнезде из-за мучительного голода. Да при этом его еще терзал страх за подругу...

Он внимательно осматривал дальние склоны холма в надежде увидеть проворные черно-белые крылышки. Но там, где подруга обычно искала корм, только клонила под ветром зеленая трава да неспешно проползали серые тени облаков.

И все же он ждал — отчаявшийся, напуганный, едва живой от голода. Несколько часов назад, вскоре после того как улетела его подруга, до него донесся отдаленный устрашающий рев, но откуда ему было знать, что он слышит рычание ее убийцы?

Наконец Отшельник не выдержал, выбрался на край гнезда и взлетел. Ему еще не верилось, что подруга потеряна навсегда. Он искал ее всюду — даже среди прибрежных утесов и над морем. Он подымался ввысь, чтобы окинуть взглядом весь остров, и летал между взгорьями, почти касаясь концами крыльев травы. Иногда он садился и с тоской осматривал ее любимые лужайки или бегал по земле, разыскивая ее в зарослях кустов. Но найти не мог. Она исчезла, растворилась в воздухе. И только под вечер он увидел рядом с колонией крачек несколько знакомых перьев — два-три грудных, белых и пушистых, да одно черное, хвостовое, сломанное пополам. И больше ничего. Никаких следов.

Долго, очень долго не решался Отшельник улететь с этого печального места. Солнце садилось, удлинялись вечерние тени, с моря задувал резкий и холодный ветерок. Отшельник то поднимался в воздух, но, пролетев несколько метров к морю или в глубь островка, поворачивал обратно, то бродил вокруг перьев мелкими, неуверенными шажками, — перья запутались в густой траве и теперь только слегка трепетали под порывами ветра. Но большую часть времени — до самого заката — От-

шельник неподвижно просидел на ветке ближайшего куста, напоминая неживую, высеченную из камня статуэтку.

Наконец он снялся с ветки и полетел к осиротевшему гнезду. Оно было мертвым: яички давно остыли, и птенцы погибли, даже не появившись на свет.

Несколько дней Отшельник беспокойно метался над островом, изредка возвращаясь к умершему гнезду. А потом и вовсе его забросил.

Он уныло скитался по тем полянам, где они кормились вдвоем с подругой, а ночевал в кустах. Черно-белое оперение резко отличало его от всех островных птиц, он снова был совсем один — немой Отшельник на затерянном в океане островке. Ему было незачем теперь петь, но когда чуть вздрагивали его горловые перышки, казалось, что воздух полнится грустной погребальной мелодией, которую никому не дано слышать.

Он подолгу сидел в зарослях кустов — нахохлившийся, несчастный, — и ветер клонил к земле их гибкие ветви, но он не обращал на это внимания; а иногда, вспорхнув к вершине дерева, он внимательно осматривал склоны холма — чуткий, напряженный, готовый стремительно взметнуться в воздух навстречу подруге. Но она не появлялась, и стремиться ему было некуда.

А гнездо постепенно разрушалось, между пересохшими веточками появлялись широкие щели, и однажды из него пропало одно яичко, а потом, через несколько дней, и второе. Возможно, они провалились в щели, возможно, ими полакомился бесшумный гибкий бандит с раздвоенным языком, а может быть, их выбросил из гнезда ветер. Главное, что они исчезли, как исчезла до этого подруга Отшельника, и теперь лишь мертвое гнездо напоминало ему о счастливых днях...

Осень почти миновала, приближалась зима. В конце путины «Буревестник» опять проходил мимо острова. И уж конечно, Бенни с биноклем в руках сидел на марсовой площадке — это наблюдательный пост, откуда вахтенный матрос высматривает косяки рыбы.

— Гнездо на месте, — внимательно оглядев остров, сказал Бенни, — но оно почему-то кажется брошенным.

— Так и должно быть, — спокойно отозвался его отец. — Ведь птенцы давно выросли.

Но им не попалось на глаза ни одной черно-белой птички. А подойдя поближе, они увидели Отшельника — он безмолвно сидел на закраине черного котла, когда-то брошенного китобоями.

— Пап, давай причалим, — взмолился Бенни.

— Ладно, — ответил тот, — на полчаса. — Все равно мне надо проверить тросы рулевых тяг.

«Буревестник» бросил якорь, и Бенни поплыл в шлюпке к берегу.

— Привет, Отшельник! — крикнул он, пробегая мимо полуразвалившейся печи. Но Отшельник даже не пошевелился.

Бенни торопливо взбежал на холм и, немного отдышавшись, вскарабкался к гнезду. Одного взгляда было достаточно: в этом гнезде никогда не выкармливали птенцов.

— Мертвое, — коротко сказал он, возвратившись на клиппер.

— И давно его, по-твоему, бросили?

— Да в нем, по-моему, и вообще-то никто не жил.

— А птенцы?

— Не было там никаких птенцов.

— Видно, с матерью приключилась какая-то беда.

— Какая беда?

— Откуда же я знаю.

— Тут ведь нет ястребов.

— Да и охотников тоже нет.

— Может, сама умерла?

— Может быть.

— И значит, ничего у нас не вышло?

Его отец долго вытирал тряпкой замасленные руки.

— Мы сделали все, что могли, сынок, — после паузы ответил он.

— Бедный Отшельник, — пробормотал Бенни, оглянувшись на бухту. — Ему теперь будет еще тоскливей небось, чем раньше.

— Такова жизнь, сынок.

— Ну, у него-то она и вовсе грустно повернулась.

— Жизнь редко бывает веселой, сынок. У людей тоже.

— Выходит, лучше нам больше не вмешиваться? — обдумав слова отца, спросил Бенни. — Оставить все, как есть?

— Выходит, так, сынок. — Бенбоу уже собирался завести двигатель. Однако он немного помедлил и добавил: — Так или иначе, а мы сюда больше и не вернемся. Рыбы-то здесь почти нет. В будущем году мы будем ловить на востоке.

«Буревестник» поднял якорь и вышел из бухты. Когда Бенни повернулся к острову, Отшельник уже опять сидел на своей сухой дозорной ветке — одинокая черно-белая фигурка в серой пелене ненастья.

Бенбоу проследил за взглядом сына и все понял.

— Не печалься, Бенни, — мягко сказал он. — Подумай, чему он невольно служит. Это же символ, пример для людей. Воплощение их самых сокровенных надежд — победитель своей судьбы.

Бенни промолчал. Он пристально смотрел на Отшельника, пока тот не растаял в бесцветной дымке пасмурного дня. Остров быстро уходил назад, превращаясь в неясное пятно. И Бенни вдруг понял, о чем говорил отец. Отшельник — едва заметная точка на крохотном клочке земли в безбрежном штормовом океане — стойко противостоял страхам, страданиям и невзгодам. Его не сломило даже безнадежное одиночество.

Он выжил — и будет жить — вопреки бурям и грозам, которые обрушили на него небеса. Мореходы расскажут о нем друг другу, и в географических атласах появится новое название — Остров одинокой сороки. Про Отшельника сложат легенды, а его запечатленная на картах жизнь будет пробуждать уснувшие надежды в одиноких и отчаявшихся людях...

— Бенни, спускайся вниз! — крикнул Бенбоу. — Пора перекусить.

Бенни по-прежнему глядел в море.

— Я сейчас... — У него на мгновение пресекся голос, но он пересилил себя и твердо закончил: — Я сейчас... ты иди, папа, я сейчас спущусь.

Остров почти скрылся за линией горизонта — неподвижное серое пятнышко в сутолоке свинцовых волн.

— Прощай, Отшельник, — еле слышно прошептал Бенни. — Не очень там горюй на своем одиноком острове. — Потом он торопливо вытер глаза и спустился в камбуз.

— На, Бенни, подкрепись, — проговорил кок, протягивая ему тарелку.

Бенбоу прихлебывал из чашки кофе.

— Завтра мы обязательно отыщем косяк, — преувеличенно бодро сказал он. — И утром наверняка проглянет солнце.

Но пока что на море опускался ненастный вечер.

ШТОРМИК И МИСТЕР ПЕРСИВАЛЬ

Штормик жил между лагуной Куронг и морем. Он жил на длинной-длинной косе, то песчаной, то зеленой — той самой, которая наискось отходит к юго-востоку от устья реки Муррей. Дикое это место, там только ветер разгуливает и чешет жесткие кусты, и с одной стороны лежит плоское мелководье Южноавстралийского Куронга, а с другой немолчно гудит Южный океан. Называется оно Девяностомильное взморье. Понизу земной шар холодный и мокрый, и на тысячи пустых миль там плещут тяжелые волны, накатываются на берег и рушатся белой лавиной, рассыпая пышную пену. Днем и ночью грозно громяхают океанские валы. А когда поднимется ветер, прибой взметает с берега песок, сечет пенными струями, жалит воздух солеными змеями.

Штормик жил не один, с ним был Том-Нелюдим, его отец. Ютились они в нескладной лачуге из кольев, досок и жестяных листов — распластанных консервных банок. Пол был земляной, окна — два мутных осколка стекла, и еще кособокая печурка: железные трубы, оплетенные проволокой. Летом в лачуге было жарко, зимой — холодно, и она вся тряслась, когда штормы расстилали осоку и надрывались в зарослях кустарника. Но мальчику было здесь хорошо.

Нелюдим был человек тихий и одинокий. Сколько-то лет назад, когда умерла мать Штормика, он уехал из города Аделаида и стал жить у моря, подальше от людей. Люди сердито пожимали плечами и называли его голодранцем. И говорили, что никак не годится четырехлетнему мальчугану жить в таком диком и глухом месте. А Штормик с отцом на них все равно не сердились. Им было хорошо вдвоем.

На люди Нелюдим и Штормик показывались редко. Иногда только они заплывали в своей лодчонке по Куронгу в заросший рукав устья Муррея мимо островков и прибрежных камышей, поближе к пресноводному берегу, мимо ибисов и пеликанов; им кланялись высокие белые цапли, и они приплывали в городок, название которого кричало, как чайка: «Гул-ва!» Там отец Штормика закупал коробки и консервные жестянки, мотки бечевки и леску, рубашки и сандалии, керосин для лампы и еще много разных кульков и пакетов, так что лодочка их оседала по самый борт.

Встречные любопытно на них поглядывали и толкали друг друга локтями. «А вон, — говорили, — Том-голодранец со взморья. Ишь не надоест нелюдимом жить». Ну, так и прозвали его Нелюдимом, даже имя настоящее все позабыли.

А Штормика и вовсе не даром так прозвали. Однажды какие-то туристы продрались сквозь кустарник и выбрались на тот берег Куронга. Они стащили лодку к воде, переплыли Куронг и вышли на океанский берег. Но в этот день с запада собрался черный шторм: он клубами навис над островом Кенгуру и мысом Джервиса, пронесся над Гранитным островом, Блафом и Порт Эллотом и разразился молнией и мрачным дождем. Туристы бежали обратно по дюнам сквозь густую муть и мрак. И вдруг один остановился и показал в просвет дождя и темени:

— Господи боже мой! Смотрите! Смотрите!

По берегу, не торопясь, шел мальчик, сам по себе. Шел он совсем-совсем спокойно и весело, то и дело останавливался подобрать ракушки или поговорить с буревестниками, уныло стоявшими на мокром песке со сложенными крыльями и клювом по ветру.

— Он наверняка потерялся! — крикнул турист. — Ну-ка, быстро, примите рюкзак, донесите до лодки. Я побегу подберу его.

Но когда он повернулся бежать, мальчика и след простыл. Искали — не нашли. Туристы кой-как вырвались из полосы шторма, домчались до города и сразу же подняли тревогу.

— Скорее, там на берегу затерялся малыш! — кричали они. — Быстро, а то мы его спасти не успеем!

А почтарь в Гулве только усмехнулся.

— Чего волноваться, — сказал он. — Это Нелюдимов парнишка. Вам это, может, и шторм, а ему — штормик.

И с тех пор все его звали Штормиком.

Поблизости от них людей не было, только жил один местный — Билл Костяной Палец. Он был такой жилистый и сморщенный; белозубый оскал поперек веселого темного лица, перекрученного и трепанного, как старый башмак. У него была хижина на берегу Куронга за милю от них.

Костяной Палец знал про всё на свете очень много, никто столько не знал. Он различал рыбу в воде и птицу в небесах, когда даже Нелюдим ничего не видел. Он знал, как ветер и погода метят облака и море. И он понимал все непонятные следы на дюнах и на берегу — сбивчивые рассказы жуков, мышей, крыс, и муравьедов, и крабов, и птички тоже, и даже какие-то мазки животных, ночью оставленные. С ним Штормик быстро научился всякому, ста книг не хватило бы.

А в хижине у себя Костяной Палец собрал, что бог послал: разные крючки, проволочные сети, палки, кожу всякую, медяшки, весла, жестянки, веревки, рваные рубашки и даже старое ружье. Ружьем он еще и хвалился, по делу было ружье. Со ствола заряжалось. Костяной Палец сыпал туда ружейный порох, а потом пихал в ствол что ни попадя и забивал пыжом. Как-то раз ему попался мраморный шарик, и он им аж деревянный ящик продырявил, чтоб показать, как ружье стреляет.

Но только однажды Штормик видел, чтобы Костяной Палец стрельнул насмерть: когда тигровая змейка скользнула в траве к берегу, как струйка черного стекла, с раскаленными угольками глаз. Она проскользнула по воде к лодке, и Костяной Палец схватил свое ружье и разнес змейку в клочья.

— Хуже нет драни, чем тигровая змейка, — сказал он. — Ее убивать надо!

И Штормик этого не забыл. Еще много дней всякая палка вдруг начинала у него в глазах струиться черным стеклом и ускользала в песок.

...Сначала Нелюдим боялся — вдруг Штормик заблудится. Коса ведь тянулась девяносто миль, дюны, кусты и кочки все одинаковые, и пока парень не изучит берег как свои пять пальцев, он, пожалуй, часами будет бродить взад-вперед и не найдет примет, по которым идти домой. Вот Нелюдим и решил как-нибудь отметить путь.

Однажды он нашел на берегу среди прибойной щепы здоровенное бревно. Его, видно, смыло с палубы проходящего корабля, и оно было мощное и крепкое, как плотинная свая. Нелюдим и Костяной Палец помаленьку перетасили его на вершину дюны возле лачуги. Нелюдим сделал на дереве зарубины-ступеньки и прибил у конца небольшую поперечину. Потом они вырыли глубокую яму, поставили в нее столб торчком и затрамбовали.

— Ну вот, — сказал Нелюдим, — теперь тебе всегда будет Приметный Столб. Его издалека видно, и ты не потеряешься.

Год шел за годом, и Штормик много чему научился. И все животные стали его друзьями — все-все, кроме только узких и длинных, стеклом вливающихся в песок и осоку.

Была одна нора под травянистым холмом, а в ней еще ямка, и там оказалась Волшебная Пингвиниха. Она робко глядела на два белых яйца. А потом вылупились пингвинята — такие темненькие легкие комочки.

— Привет, сударыня Пингвиниха, — каждый день говорил ей Штормик. — Ну и как нынче ваши пушистики?

И Волшебная Пингвиниха не клевалась и не шинела, а усаживалась на хвост и тихо глядела на мальчика своими теплыми глазами.

В ложбинах за дюнами, где хозяйничал ветер, Штормик иногда находил длинные белые россыпи ракушечной шелухи и каменной крошки и давным-давно вскрытые витые раковины мидий.

— Древний мусор, — говорил Нелюдим. — Местные оставили.

— А мусор почему?

— Стоянка здесь была, они себе на еду раковины кололи. Костяной Палец долго еще стоял, смотрел на груды ракушечных обломков, думал.

— Черные были, ели, здесь присели, давно-давно, — сказал он печально. — Никакого белого не было тогда. Сто лет, и еще сто, и только черные.

Штормик посмотрел на свалку раковин и подумал, как это все было давно. А про себя он мог это представить... Красные костры у Куронга, ребяшня, песни, хруст пустых раковин, выеденных, выброшенных, ненужных. И он подумал: «Было бы сейчас то время, я бы тоже был черный мальчик».

Но тут раздался голос отца, и Штормик побежал к берегу помочь накопать больших вкусных раковин на ужин. И когда они для себя набрали, то еще набили несколько мешков, чтоб взять их в Гулву: там что рыбаки, что туристы с радостью купят у Нелюдима свежий улов.

Штормик любил стоять согнувшись подковой, словно в чехарду собрался играть. Он зарывался пальцами в песок, и соленые волны сновали туда-сюда под самым его носом. И запах был чудесный, и раскатывались волны с таким шелестом... Ему было очень хорошо.

Больше всего Штормик любил ходить по берегу после настоящего, как говорил Нелудим, продувана. Потому что тогда ветер и буйные волны оставляли за собой целые груды сокровищ. На широкой сверкающей песчаной полосе, омытой и выглаженной отливом, были разложены, как на стекле, морские чуда: разноцветные водоросли и словно заиндевелая карака-тица, ежи и звезды, хрупкие мертвые морские коньки и ракушки, ракушки, ракушки — пластинчатые, кульками, створчатки, змеиной головкой, витые с лиловой мантией, ошестинившиеся ступленными шипами, кораблики-наутилусы, как застывшие хлопья пены, а иногда попадалась большущая, блестящая, с розовым, точно фарфоровым раструбом.

Кое-где песок был в складках и морщинах, гладких и твердых, как чешуя. Штормик любил шаркать по ним босой ногой или обминать холодные кругляши пятками.

Он стал гибкий и выносливый. Год напролет на нем почти только и было, что шорты, рубашка и обтрепанная томсойеров-

ская шляпа. А когда налетал зимний ветер из Антарктики и ледяным языком облизывал его затверделые от мороза щеки, Штормик надевал теплую отцовскую куртку до самых щиколоток. Он поднимал воротник, прятал руки в бездонные карманы и выходил наружу укрытый, как пингвин в норе. Потому что дома он не мог оставаться. Слишком он любил посвист ветра, соленый хлест по щекам и протяжное шипение отползающих волн у своих ног.

Ведь Штормик был штормовой мальчик.

Чуть подальше от хижин Нелюдима и Костяного Пальца и Куронг, и побережье окрест — все было объявлено заповедником. На птиц там было не позволено охотиться: ни с ружьями, ни с капканами и силками, и с собаками тоже нельзя.

Так что всюду — и на воде и на берегу — бились и трепетали птичьи крылья. Ранним утром высокие птицы выпрямлялись, хлопали крыльями и громко радовались восходящему солнцу. И везде кто-нибудь купался, радостно плескался, окунался и брызгался. Словно берег стал пляжем длиной в пять миль, и тысячи купальщиков враз плещутся и ныряют. Одни над водой, другие на воде, третьи под водой, а некоторые наполовину в воде. Кто нырял в воду, а кто из нее как раз выныривал. Были, которые собирались взлететь, впришлепку скакали по воде, разворачивали крылья и отталкивались изо всей мочи. А другие снижались, трепеща крыльями и расставив перепончатые лапы, чтобы с разгону скользнуть на воду.

Вода кипела, бурлила, журчала. И Штормику было поразительно радостно; часто он просиживал на берегу весь день, обхватив колени, подбородком в ладони. И думал, как бы хорошо ему быть ибисом или пеликаном.

Но видел Штормик и такое, отчего ему становилось горько. Ни предупреждения, ни таблички не помогали: люди обижали птиц. В охотничий сезон охотники гонялись за ранеными утками по всему Куронгу; некоторые прокрадывались ночью в заповедник, били птиц на рассвете и быстренько убирались

как ни в чем не бывало. Кругом бродили курортники, пинали гнезда и топтали яйца. А были еще такие с ружьями, которые сами себя называли спортсменами, и, когда дичи под рукой не было, они бились друг с другом об заклад, что попадут в цаплю или в баклана, мирно отдыхающих у берега. Птицы им были вместо мишеней. И когда один попадал, другие гоготали и кричали: «В яблочко!» — и все уходили, оставалась только мертвая птица, и ветер ерошил ей перья. А если она лежала неподалеку от спортсменов, к ней подходили, переворачивали ногой и оставляли валяться на спине.

Когда Штормик прибежал к отцу и рассказал ему, Нелюдим что-то прорычал, а Костяной Палец похлопал по своему заряженному ружью и сказал:

— Чтоб меня, если я ему другой раз не всыплю соли! Вот они еще раз придут и — бабах! — получают соли в задницу!

Штормик на это рассмеялся; Костяной Палец сверкнул зубами и подмигнул Нелюдиму. Они оба не любили, чтоб Штормик был печальный.

Когда Штормик гулял по берегу или по дюнам, когда заходил в заповедник, птицы не пугались. Они знали, что это друг. Пеликаны сидели рядком, как важные старики, с мягкими, отвислыми животами и приветливо тарахтели клювами, куропаточки хлопотали и лопотали, ибисы так и полосовали воздух, махая кривыми клювами вверх-вниз; а голубая цапля молчаливо соблюдала достоинство и стояла высокой стройной статуей, пока Штормик проходил мимо.

Но однажды утром Штормик застал шум и смятение. Трое или четверо парней забрались в заповедник. Им подвернулись пеликаньи гнезда — широкие грубоватые корзинки из веток и травы, выстланные крупными, будто индюшачьими перьями, — и они убили двух взрослых птиц. Потом они всё разорили и расшвыряли; орали, хватали пеликаньи яйца и кидались друг в друга. И с хохотом ушли.

Штормик подполз в страхе и гнев. Из-за кочки он скорбно оглядел все разорение и безобразие. И только он собрался бежать, чтоб Костяной Палец зарядил свое ружье солью, как

услышал шорох и писк: в изломанных гнездах, среди веток и травы копошились три крохотных пеликаненка — еще живые. Штормик бережно подобрал их и побежал с ними к Нелюдиму.

Два пеликаненка были здоровехоньки, а третий едва дышал. Затоптанный, пришибленный, беспомощный. Такой слабенький, даже кормиться не мог поднять голову, ронял еду и распылялся, если его не поддерживал Штормик или Нелюдим.

— Он, пожалуй, не выживет, — сказал Нелюдим. — Маленький очень, болезненный.

И даже старик Костяной Палец покачал головой.

— Они худые люди, убили большой пеликан. Теперь маленький нет, не выживет.

— Нельзя, чтоб он умер! — отчаянно выкрикнул Штормик. — Нельзя! Нельзя!

Он укутал крохотное замученное тельце в шарф Нелюдима и пристроил птенца у огня. И весь день смотрел, как он лежит, чуть шевелится или разевает клюв — беззвучно, без писка. Время от времени он брал бутылочку с рыбьим жиром, которую когда-то купил для него Нелюдим, и старался закапать жир птенцу в глотку.

Настала ночь, а Штормик все не отходил от больного, пока Нелюдим не сказал твердо, что пора спать. Но Штормик спать не мог, ночью он снова и снова выскальзывал из постели и на цыпочках перебегал по земляному полу к печурке — посмотреть, тепло ли пеликаненку.

И утром он был еще живой.

Только через три дня пеликаненок оправился: сел и попросил есть. Два его братца к тому времени прямо не закрывали клюва, хотя, конечно, они были маленькие и подклювные мешки у них еще не отросли.

— Можно подумать, что я Дед Пеликан, — сказал Нелюдим. — Все время они ко мне за едой.

— А ты им и есть самый настоящий дед, — ответил ему Штормик. — Отца-то с матерью у них ведь нет теперь.

— Ладно, пусть только не думают, что я весь день буду для них рыбу ловить. Смотри, как вон тот расселся — хозяин ни дать ни взять.

— О, это мистер Премьер, — сказал Штормик.

— Здравствуйте, мистер Премьер! — Нелюдим поклонился и пощекотал пеликану голову. — А как зовут вашего брата?

— А это мистер Профессор, — сказал Штормик. — Он очень умный и строгий.

— А малышонок? — спросил Нелюдим. — Он что, мистер Пискун?

— Нет, это мистер Персиваль. — Штормик бережно поднял птенца в шарфе и усадил его к себе на колени. — Он у нас едва-едва выздоровел.

— Будем знакомы, — сказал Нелюдим. — А теперь пошелка, Дед Пеликан, ловить рыбу, а то все трое птенцов останутся без ужина.

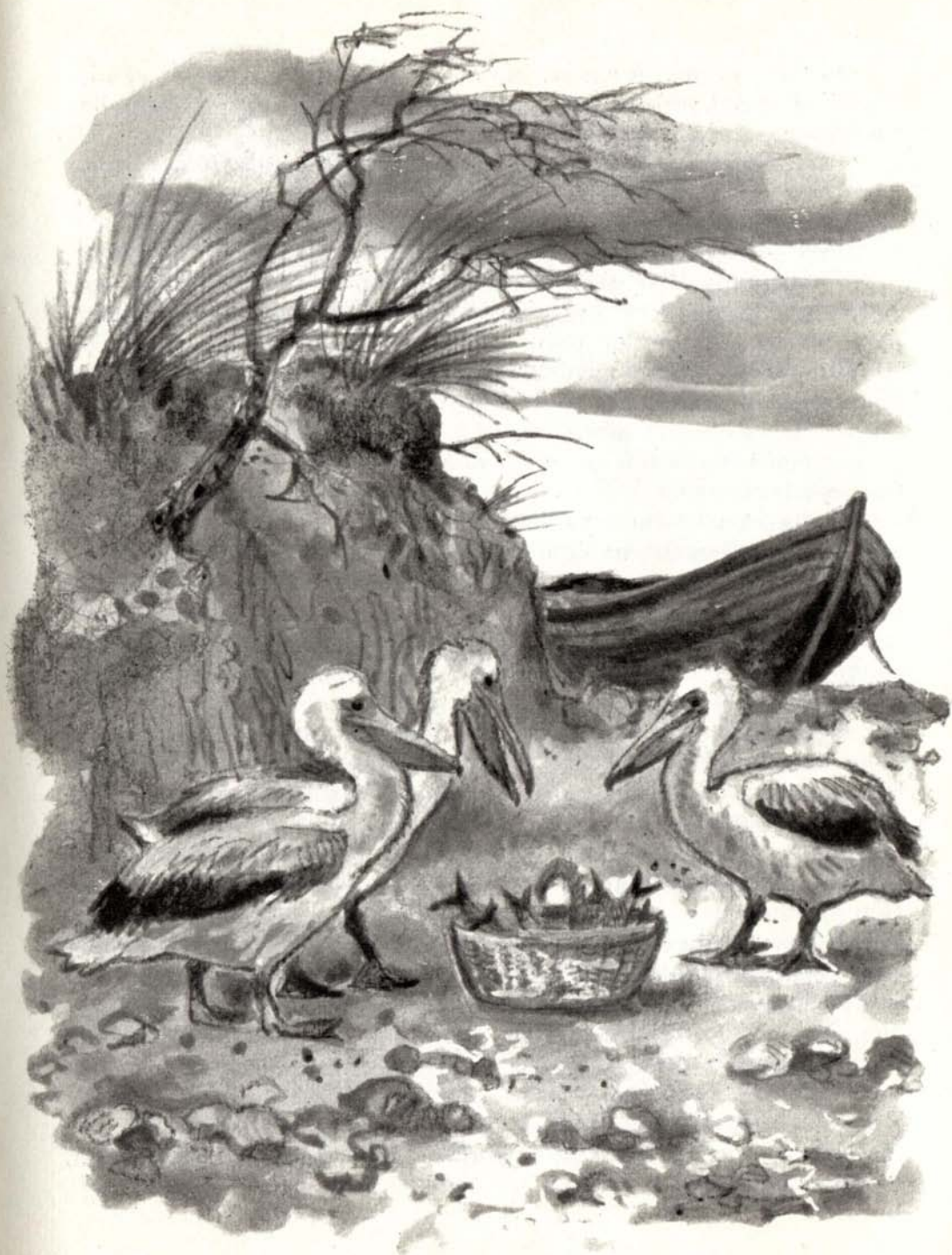
И он спустился на берег, к лодке.

Так вот и случилось, что мистер Премьер, мистер Профессор и мистер Персиваль стали жить у Штормика.

Скоро все три пеликана выросли и окрепли. Их белые шеи округлились и выгнулись, под клювами отросли мешки, а клювы стали с розовым отливом, как перламутровые раковины. Каждое утро они распускали большие белые крылья с густо-черной закраиной и делали три-четыре круга над лачугой и берегом: проверяли, все ли нынче в порядке. Потом им, на их взгляд, подходило время завтракать, и они тяжело приземлялись возле лачуги, важно вышагивали и выстраивались у задних дверей. Если Нелюдим и Штормик еще спали, три птицы какое-то время учтиво поджидали, не покажется ли кто и не поздороваются ли с ними. Но если этого не случилось, мистер Премьер и мистер Профессор через пять — десять минут теряли терпение и начинали неодобрительно тарыхтеть клювом — звук был такой, будто потрескивает сухой камыш, — пока кто-нибудь не просыпался.

— Хватит, хватит! — спросонья говорил Штормик. — Слышу вас, слышу, мистер Премьер!

Он выскакивал и глядел на выстроившихся джентльменов.

— Я знаю, что у вас на уме, мистер Премьер. Порядочным людям пора вставать.

— А порядочным пеликанам пора бы и самим кормиться,— ворчал Нелюдим,— а не попрошайничать у друзей.

Время шло, и такие его слова звучали всё суровее.

Наконец Нелюдим сказал Штормику прямо:

— Мистеру Премьеру, мистеру Профессору и мистеру Персивалю придется отправиться обратно к себе в заповедник. Мы их просто не сможем прокормить.

Штормику было грустно, но он знал, что если уж отец решил, то решил.

— Да, папа,— сказал он.

— Посадим их в рыбные корзины,— сказал Нелюдим,— и отвезем в лодке.

— Да, папа,— сказал Штормик, повесив голову.

И они поймали сначала мистера Премьера, потом мистера Профессора, прижали им крылья к бокам и запихали их в корзины. Это вовсе не понравилось ни мистеру Премьеру, ни мистеру Профессору. Они клацали клювами на Нелюдима, сердито топорщили помятые перья и сверкали желтыми глазами сквозь корзинные прутья.

— Ух ты! — смеялся Нелюдим. — Двух джентльменов обидели. Ничего, ничего, вам же будет лучше. — И он поклонился сначала мистеру Премьеру, потом мистеру Профессору.

Но когда пришла очередь мистера Персиваля, Штормик вдруг не смог его так же запихивать. Со времени своего чудесного выздоровления мистер Персиваль был любимцем Штормика. Он и правда вел себя спокойнее, ровнее и доверчивее двух своих братьев. Штормик поднял его, пригладил ему крылья и прижал к себе.

— Бедный мистер Персиваль,— сказал он тихо. И посмотрел на отца. — Я повезу так мистера Персиваля,— сказал он. — Можно, папа?

— Ладно, можно,— сказал Нелюдим, подняв две корзины. — Пошли, пора в путь.

Нелюдим заплыл в заповедник миль на пять и остановил лодку.

— Приехали,— сказал он.

Потом открыл обе корзины и вынул мистера Премьера и мистера Профессора.

— Давайте летите,— сказал он.— И позаботьтесь-ка о себе сами.

И подтолкнул их. Они взметнулись высоко в воздух и полетели к берегу.

— И вы тоже, мистер Персиваль,— сказал он.

Штормик прижался щекой к голове мистера Персиваля и в последний раз тихо обнял друга.

— Прощайте, мистер Персиваль,— сказал он. Пришлось передохнуть и кашлянуть.— Будьте... будьте хорошим пеликаном, мистер Персиваль, и не болейте.

Он перенес пеликана через борт и посадил его на воду, как большую резиновую утку. Мистер Персиваль на минуту как будто удивился и огорчился; он недоуменно покачивался на волнах. Потом он вскинул широкие крылья, забил лапами и медленно поднялся над водой.

Штормик протер глаза кулаком и отвернулся. Он не хотел, чтобы отец видел его лицо.

Погода выдалась ясная и солнечная, и Нелюдим со Штормиком целый день рыбачили. И все им было как-то холодно. Лодку покачивало, они сидели за удочками, и разговоров почти не было, но Штормик знал, что отцу известно, о чем он думает. Нелюдим по-особому посматривал на него и однажды даже старательно прочистил горло, глянул вдаль на воду и весело сказал несчастным голосом:

— Да, интересно, как там сейчас наши мистеры бывшие пенцы. Резвятся небось, про нас и думать забыли!

Он почти жалобно поглядел на Штормика и перевел глаза на удочку.

— Да, наверно,— сказал Штормик и тоже уставился на удочку.

К вечеру они собрали снасть и поплыли домой. Солнце гнало по воде миллион золотых бликов. Ярко отсвечивали проплешины дюн, а кусты и травы были так залиты солн-

цем, что каждая веточка и травинка сияли розовым огнем. Лодчонка скользила по лепечущим волнам.

Вдруг Штормик поднял глаза.

— Смотри, папа! Смотри! — крикнул он.

Нелюдим вытянул лодку на берег и посмотрел, куда указывал Штормик.

— Что там?

— Смотри, смотри! — кричал Штормик.

На вершине дюны высился Приметный Столб, который Нелюдим и Костяной Палец вбили уже несколько лет назад, а теперь у него появилась верхушка: статуя на колонне, изваяние птицы.

И словно заслышав изумленный голос Штормика, птица вдруг распростерла два широких крыла и взлетела. Лучи закатного солнца озаряли ее клюв и чернокаемчатые крылья. На миг она показалась совсем сказочной. Штормик мчался, задрал голову, кричал и махал руками:

— Мистер Персиваль! Это мистер Персиваль! Мистер Персиваль вернулся домой!

Вечер был радостный для всех. Даже Нелюдим был втайне доволен, что мистер Персиваль вернулся.

— Да, пожалуй, пусть остается, — сказал он, — лишь бы мистер Премьер и мистер Профессор тоже не вернулись. Хватит с нас и одного пеликана; на троих не напасешься.

И хотя Штормик любил мистера Премьера и мистера Профессора тоже, он все-таки подумал, что пусть уж они остаются там. И они остались. Иногда они пролетали мимо, иногда приземлялись на берег, но ненадолго, а потом обязательно возвращались к себе в заповедник.

А мистер Персиваль — нет. Он теперь и вообще не отлучался от Штормика.

Куда Штормик ни пойдет, мистер Персиваль — за ним. Если Штормик собирал по берегу ракушки, мистер Персиваль важно шлепал за ним по пятам или медленно летал над ним

широкими кругами. Когда Штормик купался, скатывался с дюн или играл в песке, мистер Персиваль отыскивал себе местечко неподалеку и неуклюже пристраивался там, поглядывал и поджидал. Когда Штормик удил рыбу или разъезжал на лодке по Куронгу, мистер Персиваль радостно кружил возле, закинув голову и выпятив грудь, словно шхуна с драконами носом дарила в воздушном море. Когда же Штормик ставил лодку на якорь, он слетал на воду, с плеском проехав по глади, свертывал крылья и безмятежно колыхался вместе с зыбью.

— Ну, вы настоящий старый джентльмен, мистер Персиваль! — со смехом говорил Штормик. — Вам бы еще цилиндр или, может, закрытый воротничок и очки на нос — и могли бы читать проповеди или учить в воскресной школе.

Но мистер Персиваль только свешивал голову набок и ждал, пока Штормик бросит ему рыбину, а то и две-три, и упрятывал их в свой мешок.

Костяной Палец и Нелюдим оба были рады, что у Штормика есть мистер Персиваль.

— Лучше даже, чем если собака, — говорил Костяной Палец. — Бегать не очень, зато летать.

— Да он возьмет поноску не хуже любой собаки, — говорил Нелюдим. — Вот посмотришь.

И правда. Впервые они увидели, каков мистер Персиваль на подхвате, когда Штормик играл на берегу в мяч. Этот желто-красный мячик Нелюдим привез из Гулвы. Штормик сильно швырнул его оземь, и мяч помчался на мистера Персиваля.

— Берегитесь! — закричал Штормик.

Но мистер Персиваль беречься не стал. Он быстро переступил разок-другой, и пойманный мяч провалился под клюв. Штормик страшно испугался. Запыхавшись, он подбежал к мистеру Персивалю.

— Мячик нельзя есть! — кричал он. — Он резиновый, это не рыба! Не глотайте, задохнетесь!

Мистер Персиваль выслушал его очень степенно, склонив

голову набок сильнее обычного и разинув клюв в хитрой улыбке. Потом он выступил вперед и уронил мячик к ногам Штормика, точно собака поноску.

Теперь у Штормика появилась новая забава. Он кидал мячик, голыш, морского ежа или катушку из-под лески, а мистер Персиваль подхватывал, что брошено, и приносил это обратно. Иногда Штормик швырял что-нибудь в воду. Мистер Персиваль провожал предмет своими ярко-желтыми глазами, взлетал, опускался в нужном месте и выуживал поноску из воды. Штормик смеялся, хлопал в ладоши и гладил пеликану шею вверх-вниз. Мистеру Персивалю это очень нравилось: больше всего на свете, если не считать рыбы.

Однажды Нелюдим смотрел, как они играют, и ему пришла на ум одна мысль.

— Раз он может тебе приносить, так, наверно, и отнести может, — сказал он.

Он подал мистеру Персивалю грузило и моток лески.

— Ну-ка, отнеси это Штормику, — сказал он, — отнеси, будь добр.

Сначала мистер Персиваль не понимал, но в конце концов уронил грузило с леской к ногам Штормика. Нелюдим и Штормик оба захлопали в ладоши, гладили мистеру Персивалю шею и дали ему рыбину. Мистер Персиваль был очень доволен и горд.

После этого Нелюдим сказал Штормику зайти по колено в воду, и они начали ту же игру. Скоро мистер Персиваль сам брал грузило с мотком лески, подлетал к Штормику и ронял поноску рядом с ним. Но каждый раз после этого он ожидал рыбину.

Они играли так неделю за неделей: иногда в воду заходил Штормик, иногда Нелюдим — пока мистер Персиваль не научился носить леску и ронять ее в море. Потом, когда однажды с севера подул береговой ветер и океан угрюмо разгладился, Нелюдим отъехал подальше от берега, и мистер Персиваль носил ему длинную-длинную леску.

— Чудесно, — говорил Нелюдим, смеясь и потирая руки. — Теперь мистер Персиваль будет помогать мне рыбу ловить. Будет носить и забрасывать леску на подонный лов.

И он почесал мистеру Персивалю шею и дал ему лишнюю рыбину.

— Умняющая ты птица, мистер Персиваль,— сказал он.— Прямо как китайский дрессированный пеликан.

И засмеялся, а за ним и Штормик; а мистер Персиваль был так собой доволен, что целый день потом весело клацал клювом.

Время шло, и про Штормика с мистером Персивалем почти разговоры. Туристы, охотничий надзор и проезжие рыбаки видели их и разносили о них слухи.

— Шляется за ним всюду, как собачонка,— говорил старый Сэмми Скейлз из Гулвы.— Ну и дела, скажу я вам.

— Нипочем бы не поверил,— говорил почтарь,— если б не видел своими глазами!

А потом и многие увидели это своими глазами. Потому что, когда Нелюдим и Штормик отправились в Гулву, мистер Персиваль никак не мог взять в толк, что происходит и всю дорогу летел над ними, за ними и вокруг них; когда же они приблизились к городу, он приземлился у реки и терпеливо ждал возвращения знакомой лодки.

Прослышав об этом, народ приходил поглядеть.

— Ну чисто собачонка,— говорил Сэмми Скейлз.— Вот дела, а? Когда-нибудь на них весь мир будет дивиться.

Так и вышло, как он говорил.

В тот год разбушевались штормы. Заштормило еще в мае, перед началом зимы. Буйные и злобные ветры примчались из Антарктики и словно заблудились, завывали и заметались, не находя пути. В июне они прибили к земле осоку, выдрали с корнями кусты, уже много лет цеплявшиеся за вершины дюн, и сорвали с крыши лачуги железный лист. Нелюдим укрепил стены проволокой и навалил на крышу бревен и камней.

В июле ветры совсем спятили. Три урагана вырвались с юга, и третий был ужаснее всех: он собрал море грядами, вспенил их и обрушил на берег. Тяжелые валы вышиной с железнодорожную насыпь докатывались до дальних дюн, где

жили Нелюдим и Штормик. Валы бились и вмывались в дюны, словно хотели уволочь их с собой. Кустарник клонился и ломался. Лачуга дрожала и тряслась. Даже мистеру Персивалю пришлось зайти внутрь, а то бы его понесло ветром.

Надвигалась ночь; Нелюдим как следует припер дверь и расстелил на койках всю запасную одежду.

— Давай попробуй уснуть, — сказал он Штормику. — К утру наша лачуга, чего доброго, перекатится на ту сторону Куронга.

В темный предутренний час Штормик вдруг проснулся от голоса Нелюдима.

— Быстрее, Штормик! — сказал он.

Штормик вскочил.

— Что, уже снесло нашу лачугу?

— Нет, беда стряслась! — сказал Нелюдим. — Там, возле берега.

Штормик натянул две отцовских куртки и последовал за ним на вершину дюны. Белесый рассвет едва брезжил на востоке; с моря стеной вставала муть и неся грохот. Нелюдим склонился к уху Штормика и вытянул руку.

— Смотри! — прокричал он. — Вон там!

Штормик взгляделся. Во мгле что-то чернело. Костяной Палец стоял на вершине дюны, держась за Приметный Столб.

— Буксир! — крикнул он.

— На мели! — прокричал Нелюдим.

Костяной Палец кивнул.

— Шторм сильный очень! — выкрикнул он. — Парни бедные на буксире... — Он покачал головой. — Бедные парни!

Когда наконец рассвело, буксир стал ясно виден: он был как раненый кит, и громадные волны набегали и обрушивались на него, разбрасывая пенистые выхлесты, словно руки в дьявольском танце.

— Им не доплыть ни так, ни на лодке, — сказал Нелюдим. — Только если бечевку к берегу.

— Как до них с бечевкой добраться? — сказал Костяной Палец. Сегодня нет.

— Нет,— понуро подтвердил Нелюдим.— А завтра слишком поздно.

Иногда в промежутках между волнами можно было видеть, как три или четыре человека на буксире машут руками и зовут на помощь.

— Смотрите, вон они! — крикнул Штормик.— Надо же им помочь! Они же утонут!

— Как мы поможем? — сказал отец.— Бечевку не добросить: далеко.

— А сколько до них?

— Далеко. Две-три сотни ярдов, не меньше.

— Черный копьем не докинёт,— сказал Костяной Палец.— Половину не докинёт.

— Да еще если с бечевкой. Нет, тут бы гарпунную пушку.

— Я, значит, камень и на четверть не докину,— сказал Штормик. Он подобрал голыш и кинул его к морю. Камень упал у самого берега.— Вот видите,— сказал он.

Вдруг за ними послышался шелест крыльев, и мистер Персиваль взмыл над тем местом, куда упал голыш. С минуту он всматривался в пенистые волны, словно припоминая старую игру; потом передумал, повернул и сел на берег.

Штормик громко закричал и побежал к нему:

— Мистер Персиваль! Мистер Персиваль перенесет! По воздуху!

Нелюдим его понял. Он кинулся в лачугу и вынес две или три самых длинных лески, тонких, как нитки. Он уселся на сухом месте, связал их и аккуратно переплел. Потом он привязал к концу грузило и дал его мистеру Персивалю.

— Туда, на буксир,— сказал он, показав пальцем и потрепав руками.— Отнеси туда, на буксир.

Мистер Персиваль был смущен и озадачен: неужели в такую погоду можно рыбачить? Но он взмахнул крыльями и тяжело поднялся над морем.

— Туда, на буксир! Туда, на буксир! — кричали они все.

Но мистер Персиваль не понял. Он забрал сильно вбок, уронил леску в море и повернул обратно.

— Мимо,— огорченно сказал Нелюдим.

— А для начала все равно неплохо,— сказал Штормик.

когда мистер Персиваль приземлился. Он дал ему рыбину и почесал шею.

— Хороший,— сказал он.— Хороший мистер Персиваль. Отдохнем минутку и опять попробуем.

И снова мимо. На этот раз мистер Персиваль полетел прямо к катеру, но не долетел до него.

— Ну ничего,— сказал Штормик.— Хороший пеликан, хорошо старается.

Он подержал мистера Персиваля на руках, как большую утку, и дал ему еще кусок рыбы.

Они пробовали опять и опять, и все не получалось. Сначала люди на буксире не понимали, в чем дело, но скоро догадались и с отчаянной надеждой следили за каждой попыткой.

Штормик и Нелюдим огорчались, но не отступались. Как и мистер Персиваль. Он летал туда и обратно, туда и обратно, пока, на десятой попытке, у него не получилось. Мощным порывом ветра его вдруг подкинуло и швырнуло в сторону.

Он выбросил вверх широкое крыло и, пролетая над самым буксиром, обронил леску. Она упала прямо на палубу.

— Попал! Попал! — кричали в один голос Штормик, Нелюдим и Костяной Палец, когда мистер Персиваль приземлился на берегу. — Хороший, храбрый, умный пеликан!

И они его ласкали, и кормили, и плясали вокруг него, а бедный мистер Персиваль никак не мог понять, что он сделал такого замечательного. Он радостно тарахтел и клался, улыбочиво растворяя клюв, и наелся рыбы, как никогда в жизни.

Но спасение экипажа буксира еще даже не началось. Капитан на лету подхватил падавшую леску, переждал большую волну и прикрепил леску к концу витка тонкой бечевки. Осторожно, очень осторожно он опустил леску в море и помахал Нелюдиму и Костяному Пальцу, чтоб они тянули. Нужно было рассчитывать каждое движение: если леска зацепится за камень или если слишком сильно потянуть, она лопнет, и придется начинать сначала.

Но все обошлось. Наконец бечевка выползла на берег и забила в пене откатывающей волны. Костяной Палец сбежал и схватил ее. Он радостно плясал и махал руками. Тогда капитан буксира привязал к бечевке канат, и команда отпустила его, из последних сил выстаивая под ударами перекатных волн и ливнем секущих брызг.

Вскоре Штормик, Костяной Палец и Нелюдим вытянули на берег конец каната. Они быстро затащили его на дюну, к Приметному Столбу, и Нелюдим несколько раз обмотал канатом его основание. Тем временем команда закрепила свой конец и прицепила к канату боцманский стул — подвесную доску. Человека привязали к доске и сделали Нелюдиму знак тянуть за тонкую бечеву. Теперь можно было начинать спасение.

Море вскидывалось и вцеплялось в человека на канате, как клыкастый зверь. Иногда канат провисал, и волны перехлестывали через него. Штормик чувствовал, как содрогается канат, погружаясь в клокочущую воду. Но человеку удавалось передохнуть между волнами, и голова его снова и снова выныривала у каната. Нелюдим и Костяной Палец тянули, зарываясь ногами в песок, и мускулы змеились у них на руках, как веревки. И вот наконец они вырвали человека из мертвой хватки ревущего моря: он ступил на берег, открепился от доски и упал на песок. Он дрожал от усталости, но он был спасен. Штормик помог ему дойти до лачуги.

С буксира оттянули боцманский стул обратно, и еще один человек изготовился в путь на берег. А за ним и третий зашатался на мокром песке.

— Скорее! — сказал он. — Буксир вот-вот разобьет, а там еще трое.

Со лба Нелюдима лил пот, а Костяной Палец тяжело отдувался, когда они снова принялись тянуть, вдавливая ноги в песок.

— Скорее! — задыхались они. — Катер сейчас разнесет.

Уже пятеро были на берегу; остался один капитан. Потом и он покинул корабль, и они снова взялись за бечевку. Он был

тяжелый, и канат провисал, а Нелюдим и Костяной Палец уже почти выбились из сил. Вдруг канат напрягся, задрожал и ослаб.

— Быстро! — крикнул Нелюдим. — Сносит его!

Штормик что было мочи схватился за веревку.

— Скорее! — прокричал капитан. — Сейчас снесет!

Два или три моряка, которые держались на ногах, ухватились за бечеву и помогли тянуть. Все вместе они медленно подтянули капитана и выволокли его, бледного, полузахлебнувшегося, на берег.

— Спасли!.. — повторял он непослушными губами. — Спасло чудо, и спас пеликан...

Нелюдим и Штормик на сутки приютили капитана и пятерых моряков у себя в лачуге. Они поели горячего и высушили одежду. На другое утро стало проясняться, солнце блеснуло на глади Куронга, и Нелюдим собрался отвезти всех шестерых в Гулву.

Перед отплытием капитан отвел Нелюдима в сторону.

— Ты спас нам жизнь, — сказал он, — ты и твой черный друг и твой сын со своей птицей — они особенно. Мы бы хотели как-нибудь вас отблагодарить.

Нелюдиму стало неловко.

— Не надо об этом, — сказал он.

— Но мы все обсудили и решили, — сказал капитан. Мы бы могли платить за мальчика в интернате, в Аделаиде.

Нелюдим помрачнел.

— Ему будет очень одиноко, мне тоже. Он будет тосковать по ветру, по волнам, да и как же он без мистера Персиваля...

— Ну, это уж как-нибудь, — сказал капитан. — Ему сколько — десять, одиннадцать? Скоро ведь вырастет, а ни читать, ни писать не умеет. Не дело стоять у него на пути.

Нелюдим повесил голову.

— Да, верно говорите, надо ему ехать.

Но когда подозвали Штормика и объяснили ему, что предложил капитан, он не согласился.

— Нет! — сказал он испуганно. — Не брошу я мистера Персиваля! В жизни не брошу!

— Ну, Штормик...

— Нет, только если взять мистера Персиваля с собой в школу.

— Это нельзя, сам же знаешь!

— Тогда не поеду.

Капитан пожал плечами.

— Что ж, — сказал он Нелюдиму, — может, потом. Место ему там мы обеспечим.

Он распрощался и почесал шею мистеру Персивалю.

— Ты замечательная, умная птица, — сказал он. И поднял глаза на Нелюдима. — Как он умрет, пришлите его в музей: на витрине с его чучелом будет надпись: «Этот пеликан спас жизнь шести морякам».

Нелюдим быстро обернулся. И обрадовался: Штормик не слышал капитана.

До конца года все были счастливы. Штормы ушли к себе на ледяной юг, солнце грело дюны, по весне распускались свежие листья и на кустах пробивались бутоны.

Скоро снова стало можно стрелять уток. Охотники бродили вдоль Куронга, в заводях гремели выстрелы, и пороховой дым висел в тихом воздухе, точно черный гнилой смрад. По утрам слышны были вскрики и вопли птиц. Иногда Штормик видел, как птицы падают или, изувеченные и раненные, рвутся на запад, к заповеднику.

Мистеру Персивалю охотники сразу не понравились. Он мешал им всюду, где только мог. Бывало, что он просто сидел и злобно смотрел на них, пока его не прогоняли. Иногда он нарочно подплывал к их укрытым лодкам, чтоб они плеснули, зашуршали, вообще как-нибудь выдали себя. А чаще всего он облетал и облетал их укрытия со скрежетом, точно старенький аэроплан. И все это было в помощь уткам, в предупреждение, чтобы они остерегались охотников, чтоб страшные ружья реже бы стреляли, реже их убивали.

Скоро утки стали понимать мистера Персиваля и держаться осторожнее. А охотники всё больше сердились.

— Снова этот чертов толстобрюхий пеликан! — говорили они. — Как все равно тюлень в неводе.

— Шпион с поднебесья, — сказал кто-то. — Ни одной утки не дает подстрелить.

Так оно и шло, пока не настало одно страшное февральское утро. Штормик забрался на гребень самой высокой дюны и ждал, чтобы солнце выползло из моря, словно раскаленный медяк. Он поглядел назад и заметил, что в зарослях у Куронга притаились два охотника. Они сидели и поджидали, а шесть уток подплывали к ним все ближе. В это время в небеса тяжело выплыл мистер Персиваль. Он покружил над прячущимися людьми, и утки вдруг вскрикнули, шумно прыснули и полетели над водой, быстро и низко.

Люди разъярились. Один вскочил, вскинул ружье и прицелился в мистера Персиваля. Штормик увидел это и вскрикнул:

— Нет! Не стреляйте! Это же мистер Пер...

Грянул выстрел и заглушил его крик. Мистер Персиваль вздрогнул на лету, словно ударился о стеклянную стену. И стал медленно, неловко падать наземь. Штормик стремглав помчался к нему по яминам и травянистым кочкам, спотыкаясь, оступаясь, падая. Он вскакивал, задыхался и кричал, выдох застревал у него в горле, и сердце бешено колотилось.

— Мистер Персиваль! Застрелили мистера Персиваля! — кричал он, не переставая. — Мистер Персиваль! Мистер Персиваль!..

Бедный мистер Персиваль! Когда Штормик коснулся его, он попробовал подняться и шагнуть, но тут же рухнул, вытянув клюв и откинув крыло. Белые перья на его груди набухли от крови, и он тяжело дышал, точно после долгой и трудной игры.

— Мистер Персиваль! Ой, мистер Персиваль! — и больше у Штормика слов не было. Он так и повторял это, бережно и медленно поднимая птицу и на бегу всю дорогу до лачуги.

Нелюдим завтракал, когда Штормик ворвался, крича навзрыд:

— Мистер Персиваль! Застрелили мистера Персиваля!

Нелюдим изумленно вскочил, швырнул ложку и выбежал искать охотников. Но тех уже не было. Им стало стыдно, они слегка испугались, переплыли Куронг и убрались восвояси.

Нелюдим вернулся со сжатыми зубами. Он принял мистера Персиваля из рук Штормика и осмотрел его, обтер ему грудь и пригладил разметанные перья на крыле. Мистер Персиваль чуть подергал спиной и часто задышал.

— А он... а мистер Персиваль... он будет?..— еле-еле выговаривал Штормик.

Нелюдим молча передал ему обратно раненую птицу и поглядел в дверь, вслед скрывшимся охотникам. И не сумел ничего сказать.

Весь день Штормик просидел с мистером Персивалем на руках. Перед железной печуркой, у которой когда-то он вынянчил и оживил затоптанного птенца. Штормик сидел теперь тупо и неподвижно. Костяной Палец все пробовал его как-то развлечь, а Нелюдим подходил с завтраком и обедом, но Штормик мотал головой, сидел, молчал и не двигался. Иногда он поглаживал взъерошенные, слипшиеся перья или расправлял бессильное крыло, и в сердце своем он знал, что происходит. Мистер Персиваль дышал прерывисто, тело его и шея обмякли, и он подолгу не раскрывал глаз. А иногда он вдруг встряхивался как ни в чем не бывало и пощелкивал клювом, словно виновато и печально улыбался, а потом вновь впадал в забытие.

— Мистер Персиваль,— шептал Штормик,— ты мой самый, навсегда самый лучший друг...

Настало вечернее время, солнце окунулось в море, и длинные тени поползли из ложбин. Вершины высоких дюн блеснули закатным золотом, потом поблекли и погрузились во тьму. Нелюдим не зажигал фонаря. Втроем — Нелюдим, Штормик и мистер Персиваль — они сидели у печки, а тьма заполняла хижину, и льдистые звезды сияли чисто и ясно.

А в девять часов мистер Персиваль умер.

И только тогда Нелюдим стронулся с места. Он тихо встал и бережно-бережно забрал мистера Персиваля у Штормика. А Штормик отдал. Потом бросился на свою койку и без-

звучно рыдал, рыдал и рыдал, и Нелюдим сел к нему и положил ему руку на плечо.

— Что ж, поплачь, поплачь о мистере Персивале, — сказал он добрым и твердым голосом, — только не нужно, чтоб было совсем плохо, Штормик.

— Ну... ну почему они застрелили... стрелили мистера Персиваля? Он же нико... когда никому худа не сделал, про... просто уткам сигналил, как всегда.

— В нашем мире, — печально сказал Нелюдим, — всегда найдутся жестокие люди, найдутся ленивые и глупые, кроме умных и добрых. Сегодня ты видел, что, могут натворить жестокие и глупые... — Он укрыл Штормика и тихо сказал: — Вот и попробуй заснуть.

Но Штормик не заснул. Он пролежал без сна всю ночь, уткнувшись лицом в холодную, мокрую подушку.

Утром Нелюдим завел разговор со Штормиком.

— Моряки устроят, чтобы мистера Персиваля поместили в музей, — сказал он. — С надписью, как он их спас и как сам погиб. Хочешь?

Штормик покачал головой.

— Мистеру Персивалю это не понравилось бы, — сказал он, — сидеть в стеклянном ящике, а на тебя глазеют. Нет, ни за что!

И он взял лопату и побрел на вершину большой дюны к Приметному Столбу.

— Вот бы где захотел мистер Персиваль, — сказал он, — здесь, у Приметного. Это его место, пусть он здесь и будет.

И начал копать.

Нелюдим кивнул. Потом взял лопату и тоже стал копать.

И они зарыли мистера Персиваля глубоко-глубоко возле Приметного Столба на вершине золотой дюны, над раздольным берегом и сверкающим песком и солеными всхлипами немолчного моря. А вокруг было просторное небо, звонкий воздух, и дикий ветер одиноко метался в траве.

Когда все было кончено, Штормик долго стоял и молча озирался. Потом обернулся к Нелюдиму.

— Ну хорошо, — сказал он. — Теперь поеду, если хочешь.

— Поедешь? Куда это?

— Ну в школу! Как моряки сказали.

— А! Ах да... Да, конечно.

И Нелюдим понял, что без мистера Персиваля Штормик не сможет здесь жить, пока что хотя бы.

Они вместе спустились по склону к лачуге.

— Придется на несколько дней оставить лодку в Гулве, — сказал Нелюдим. — Поедем в Аделаиду тебя устраивать.

Так Штормик пошел в школу, а Нелюдим вернулся в свою лачугу у Куронга и стал ждать и ждать, пока-то еще будут каникулы. Он и сейчас там, сами можете поглядеть. Днем к нему иногда приходит потолковать Костяной Палец; а ночью он подолгу стоит один у Приметного Столба, смотрит на море и на клочья облаков, изорванных западными штормами. И за сто миль от него, в Аделаиде, Штормик сидит у интернатского окна и смотрит на качающиеся деревья и на ветреное небо.

И все живет у них в сердце: голос ветра, и говор волн, и морские узоры на песке, Куронг, соленый прибрежный запах, лачуга и долгие счастливые дни вместе. И всегда они видят про себя простертые в штормовых облаках под ударами шквала два широких крыла — белые чернокаемчатые крылья в мутных небесах.

Потому что такие птицы, как мистер Персиваль, на самом деле не умирают.

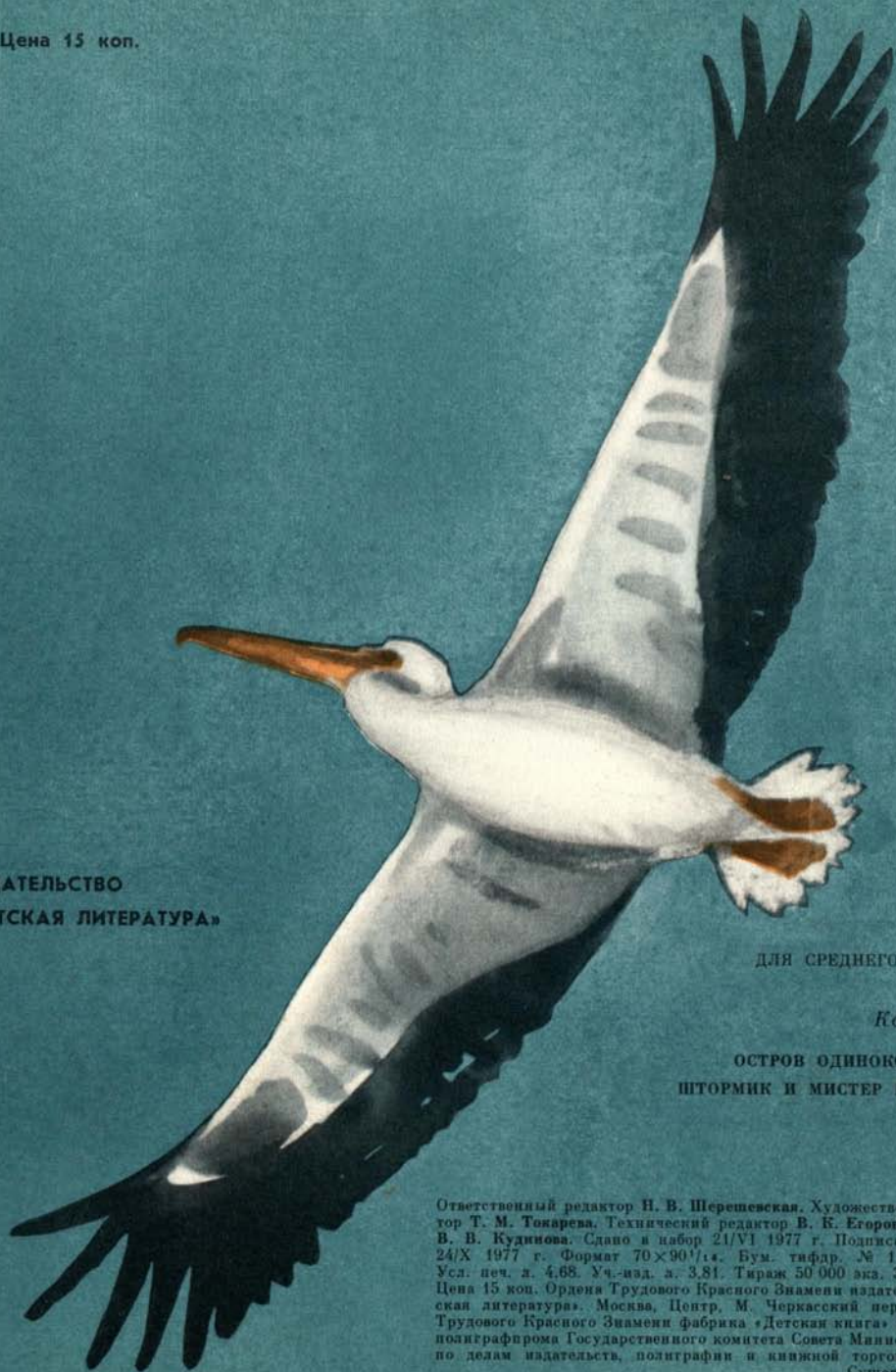

Цена 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Коллин Тиле

ОСТРОВ ОДИНОКОЙ СОРОКИ
ШТОРМИК И МИСТЕР ПЕРСИВАЛЬ

Повести

ИБ № 2806

Ответственный редактор Н. В. Шерешевская. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор В. К. Егорова. Корректор В. В. Кудинова. Сдано в набор 21/VI 1977 г. Подписано к печати 24/X 1977 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. типфр. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,81. Тираж 50 000 экз. Заказ № 602. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росгизполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.